

Российская правовая культура и особенности ее модернизации: к столетию Октябрьского государственного переворота в России

Правовая культура России анализируется в контексте западной традиции права с момента зарождения и последующего укрепления там идеала прав человека. С точки зрения данного идеала дается оценка Октябрьского государственного переворота 1917 года, последующего за ним коммунистического эксперимента и отмечается, что Октябрьская революция (т. е. путч плюс эксперимент) затормозила восприятие и практическую реализацию правозащитного идеала в нашей стране. Октябрь 1917 года – Великая трагедия нашего народа и полная катастрофа как для страны в целом, так и для ее правовой культуры в частности. Возвращение России к идее прав человека в 90-х годах прошлого века и дальнейшее ее развитие в веке нынешнем происходит в контексте как серьезных вызовов правовым началам в мире, так и современного кризиса западной традиции права и его правозащитной политики. Насущно необходимая правовая модернизация России вынуждена поэтому ориентироваться не на указанные кризисные явления современной западной правовой культуры, а на идеалы эпохи Просвещения – времени провозглашения идеи прав человека и последующего их расцвета в середине прошлого века на Западе. Российская правовая модернизация приобретает поэтому весьма уникальный и парадоксальный характер. Вместо обычного для нас «догоняющего» типа модернизации в разных сферах, в правовой сфере цели правового преобразования следует искать не столько в кризисных западных правозащитных образцах, сколько во вчерашних их идеалах, а также в наших собственных объективных потребностях. Последние диктуют нам необходимость активной реализации закрепленных в Конституции РФ 1993 года положений о правах и свободах человека, не внедренных пока в достаточном объеме на практике по ряду как современных, так и исторических причин, в том числе ввиду сложного исторического наследия, доставшегося нам от Октября 1917 года и последовавшего за ним коммунистического эксперимента, предпринятого в стране в прошлом веке.

Ключевые слова: правовая культура; правовое развитие; правовой прогресс; правовая модернизация; права и свободы человека; идеал прав человека; критерий правового прогресса; уровень защищенности прав человека; уровень правовой защиты; правовое наследие; революция; террор; насилие; правовой нигилизм; западная правовая традиция; правозащитный экстремизм.

Краткое содержание

1. Кардинальное мировое событие XX века и его последствия для правовой культуры и прав человека в России: постановка вопроса.
2. Различные оценки Октябрьской революции 1917 года и значение этого события для России с точки зрения прав человека.
3. Великие достижения советского периода – всенародное достояние. Оправдывают ли они массовые репрессии и насильственный приход к власти большевиков?
4. Правовое наследие России и возможные пути его политико-правового развития «без Октября 1917 года».
5. Необходимость и особенности современной правовой модернизации России в контексте вызовов идее и практике защиты прав человека в мире.

* **Алексей Павлович Семитко**, д-р юрид. наук, старший научный сотрудник РАН, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, приглашенный профессор университета Париж-Запад (Франция); декан юридического факультета, завкафедрой публичного права АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

1. Кардинальное мировое событие XX века и его последствия для правовой культуры и прав человека в России: постановка вопроса. Сотая годовщина начала Октябрьской революции 1917 года настраивает на анализ наиболее важных последствий и общего влияния этого эпохального исторического события на правовое развитие России в контексте мирового, и прежде всего западного, правового прогресса. Анализ узловых пунктов последнего требует выделения ключевого для права момента и одновременно критерия правового прогресса – уровня защищенности прав и свобод человека, т. е. предполагает изучение главных вех правовой культуры за этот период в разрезе ее центральной – правозащитной – подсистемы. Как Октябрьская революция соотносится с правами человека и одновременно со всей западной традицией права в целом, в рамках которой эта идея зародилась, сформировалась и продолжает развиваться в настоящее время? Как эта революция повлияла на развитие российской правовой культуры, какие правовые последствия коммунистического эксперимента переживаем мы сегодня, спустя 100 лет, и сможем ли изжить его родимые пятна в ближайшем либо отдаленном будущем?

Ситуация в мире, а главным образом в том культурном пространстве, которое называют Западом, важна нам потому, что права и свободы человека – это западноевропейская идея, провозглашенная там в ряде стран в качестве ключевой правовой ценности еще в эпоху Просвещения и выступающая с тех пор для нас как идеал и как образец, на который пыталась ориентироваться часть общественно-политической элиты страны до Октября 1917 года и который в 1993 году – с поддержкой более чем на два века – был провозглашен в качестве конституционно-правовой цели развития и для России тоже.

Зарождение и распространение идеи прав и свобод человека – будь то на Западе или у нас в России – не означает ее мгновенной реализации на практике, что попросту и невозможно, а означает лишь направление политического и правового движения, а также необходимость борьбы за право в тех странах и регионах, которые зафиксировали ее в качестве своей непреходящей политико-правовой ценности и тем более конституционной цели развития. Идея защиты прав и свобод человека как важнейшей гуманитарной ценности, провозглашенная на Западе в XVII–XVIII веках, продолжает развиваться там и сегодня – в веке XXI. Что происходит с этой идеей там в наши дни, с учетом новых серьезных вызовов и глобальных проблем нашей современности? Как приживается идея прав человека в России с учетом этих новых вызовов и проблем, а также исходя из нашего исторического правового наследия, которые получили мы по итогам революционного лихолетья вековой давности? Как реализовать на практике эту идею в нашей стране, не ограничиваясь одним лишь ее провозглашением в Конституции РФ 1993 года? Как взаимодействовать более плодотворно в этой сфере со странами – лидерами в области правовой защиты вообще и в пространстве Совета Европы в частности, а также согласовывать вытекающие из правозащитной идеи требования и установки с нашим цивилизационным, культурным и историческим наследием?

Один из возможных ответов на указанные вопросы был дан в канун другого важного юбилея – 20-летия нашей Конституции, когда известный российский ученый заявил, что закрепленный в ст. 2 этого документа принцип приоритетной защиты прав и свобод человека, является «продуктом больного политического сознания, воспитанного тоталитаризмом, строящегося на его отрицании и не способного выйти за рамки противоположностей», что идея эта – утверждение «приоритета прав человека» – является «экспецсом, абсолютизацией какого-то одного

принципа... среди теоретизирующих юристов»¹. Может быть, и вправду, восприняли указанную идею мы необдуманно или слишком поздно, когда она уже утратила свой прогрессивный потенциал, или же эта идея не соответствует духу российской цивилизации и т. д., а потому нам следует от нее отказаться? Все подобного рода сомнения полагаю излишними, ибо считаю бесспорным то, что идея прав человека является крайне необходимой для России и соответствует прогрессивному направлению современного мирового правового развития в целом. По этому основанию, да и по многим иным причинам, известный российский ученый в этом, процитированном выше, утверждении явно ошибается².

Идеал прав человека на Западе, да и у нас – пока требует того Конституция России – неоспорим, тем или иным образом реагируют на него и в других регионах мира; однако воплощение его в реальную политико-правовую действительность не происходит автоматически, особенно в тех странах и регионах, где сам этот идеал начинает ставиться под сомнение. Кроме того, с течением времени, с изменением глобальной мировой ситуации и перегруппировкой доминирующих в международных отношениях сил, меняется в некоторой части и сам этот правозащитный идеал: он уточняется, конкретизируется и, возможно, даже в какой-то мере перестраивается в своей попытке ответить на переживаемые современностью глобальные вызовы – вызовы цивилизационные и гуманитарные прежде всего, а также информационные, технологические, геополитические, военные и другие. Иногда этот идеал входит в противоречие с какими-то новыми ценностями (мультикультурализмом³, например) или следствиями, вытекающими из него самого, но помещенными в контекст новых обстоятельств (Всемирная сеть – Интернет⁴, глобализация, миграция, экология) и угроз – прежде всего, угроз террористических⁵.

¹ Мартышин О. В. Конституция и идеология // Государство и право. – 2013. – № 12. – С. 39.

² Дискуссию по этому поводу см.: Семитко А. П. Приоритет прав и свобод человека как одно из правовых оснований либерализма // Вестник Гуманитарного университета. – 2015. – № 4 (11). – С. 59–83.

³ См.: Семитко А. П. Столкновение правовых культур // Мультикультуральная современность: Урал – Россия – мир : материалы XII Всероссийской научно-практической конференции Гуманитарного университета (2–3 апреля 2009 г.) : в 2 т. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2009. – Т. 2. – С. 166–172.

⁴ Такие противоречивые следствия, вытекающие из идеи прав человека, но помещенные в иной контекст, встречаются, к сожалению, очень часто. Так, известная правозащитная организация «Amnesty International», обеспокоенная правом на защиту неприкосновенности частной жизни, разместила материал о том, какие мессенджеры наиболее уязвимы для спецслужб. Очевидно, что названное право должно быть обеспечено любому человеку, однако люди законопослушные очень часто даже и не задумываются о таком вопросе, которому уважаемые правозащитники посвятили свой доклад. Он заинтересует больше людей, которым есть что прятать от спецслужб. Из других сообщений мы узнаем, что исламские террористы используют чаще всего как раз наименее уязвимые для спецслужб способы передачи мгновенных сообщений. Появляется еще один вопрос, на который трудно дать ответ со ссылками на первоисточники: террористы узнали о наиболее защищенных от спецслужб с точки зрения прав человека на неприкосновенность частной жизни мессенджерах из доклада «Amnesty International» или каким-то иным способом? См.: Snapchat, Skype among apps not protecting users' privacy [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2016/10/snapchat-skype-among-apps-not-protecting-users-privacy/#>

⁵ 21 декабря 2016 г. Суд Европейского сообщества принял решение, по которому «недифференцированный», т. е. предварительный общий сбор и хранение метаданных телефонных переговоров операторами, а также фиксация активности в Интернете поставщиками интернет-услуг, квалифицирован им как серьезное и непропорциональное посягательство на права человека, что, разумеется, является точной юридической оценкой данной ситуации, которая сделана одним из наиболее квалифицированных судебных органов Европы, да и мира в целом. Однако как быть спецслужбам в ситуации, когда теракт совершен не состоявшем ранее у них «на учете» лицом? До этого решения Суда спецслужбы могли воспользоваться «недифференцированно» сохраненными за весьма продолжительный период данными на всех лиц и установить сообщников и т. д. Теперь, если это решение будет полностью реализовано на практике, такая возможность у спецслужб бу-

Таким образом, если идеал прав человека неоспорим, то это не означает отсутствия проблем с его реализацией сегодня и не совсем ясными направлениями его развития завтра в связи с весьма опасными для него вызовами и угрозами. Однако коль скоро мы ориентируемся – к чему и обязывает нас действующая Конституция России – на западноевропейский идеал прав и свобод человека, то нам надо понимать не только то, каким он был в эпоху своего зарождения, как развивался в дальнейшем, например во второй половине XX века, но и то, каким он стал сегодня и каким, возможно, будет завтра, исходя из наметившихся тенденций его развития. А самое главное, в ракурсе данной статьи, состоит в том, какое влияние оказала Октябрьская революция на принятие (или отказ от принятия) этой идеи в российскую правовую действительность и какие перспективы дальнейшего развития последней можно увидеть уже сегодня в связи с указанным кардинальным событием прошлого века.

Каков уровень правовой защиты в России сегодня? Можно ли оценить его как вполне современный, т. е. прогрессивный и передовой, или же такая оценка будет большим преувеличением? Может быть, уровень правовой защиты в России вполне достаточен, т. е. более или менее адекватен текущим задачам и требованиям? Или, напротив, он не дотягивает даже до минимально положительной оценки и может быть назван лишь крайне низким, отсталым и даже архаичным в чем-то и потому требующим модернизации? Другими словами, важно понимать, в каком ряду находимся мы в этом отношении по сравнению со странами, где указанный идеал был провозглашен гораздо раньше.

Ответы на поставленные вопросы – не просты, за исключением разве что суждения о «передовом уровне» в области защиты прав и свобод человека в России либо предложения об отказе от идеи приоритета прав человека, ибо вряд ли найдется серьезный исследователь, который будет настаивать на указанных утверждениях либо предложениях. Из перечня остальных возможных вариантов ответа на последний вопрос можно уверенно констатировать лишь то, что в целом этот уровень правозащитного развития отстает у нас от западноевропейских передовых образцов, а также то, что данная сфера носит в России «лоскутный» характер: где-то – в плане формально-юридического провозглашения ценности прав человека – мы находимся на самых передовых конституционных рубежах (и тут нет ничего необычного, ибо даже в советское время в плане формального провозглашения тех или иных общечеловеческих ценностей мы не сильно отставали от всего остального мира, а с учетом утопических, невыполнимых на практике деклараций, и вовсе намного опережали его), а где-то – например, в плане наличия новых правовых институтов, неизвестных российской истории ранее (имеется в виду, например, институт конституционной юстиции) – на вполне передовых позициях. Если оценить уровень практической реализации целого ряда заявленных конституционных правозащитных ценностей, то положение у нас в различных областях нашей жизни самое разное и оценки варьируются здесь чаще всего от плохого до очень плохого: такова, например, ситуация в области соблюдения запрета пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, даже если брать самые умеренные оценки⁶, соответствующие решения Европейского суда по правам человека, доклады Уполномоченных по правам человека в России

дет отсутствовать. Человечество поставлено перед выбором между эффективной борьбой с терроризмом и возможностью серьезных нарушений различных прав человека. См.: *La lutte contre le terrorisme contrariée par un arrêt européen // Le monde*. – 03.06.2017.

⁶ Горшкова С. А. Европейские нормы по правам человека и усилия России по их соблюдению [Электронный ресурс] // Журнал российского права. – 2001. – № 11. – URL: <http://znanium.com/catalog.php?bookinfo=449640> ; Шепелева О. С. Пытки как фактор нарушения права на справедливое судебное разбирательство: обзор практики Европейского суда по правам человека по российским делам // *Международное правосудие*. – 2014. – № 3. – С. 11–17.

и в отдельных ее субъектах и т. д. В любом случае ситуация во многих сферах правовой защиты далека еще не только от совершенства, но даже от уровня минимальной достаточности.

Говоря о некоторых иных тревожных областях правовой реальности, можно сослаться на появившуюся недавно информацию о преследованиях, пытках и даже убийствах геев в Чечне, что напоминает в ряде отношений эпоху средневековья⁷. Если вдруг официальные разъяснения об отсутствии таких преследований или, более того, об отсутствии самих таких лиц в данном регионе «подтвердятся» и появится требование об опровержении распространенной ранее информации, то можно будет сослаться на целый ряд подтвержденных фактов подобного рода в других регионах нашей страны⁸, что показывает наличие очень высокого уровня нетерпимости к ЛГБТ-сообществу в России. В данном случае можно сказать, что по критерию защиты некоторых прав человека и по уровню нетерпимости общества к некоторым меньшинствам мы живем в отсталом, архаичном обществе, которое не просто мирится, но даже поощряет насилие, агрессию и неуважение к человеческому достоинству индивида (в этом смысле говорится здесь об архаике, прежде всего).

Однако, с другой стороны, введение в законодательство России института гей-браков, что рекомендуют порой некоторые правозащитники из западных стран, где положение с правами человека относится, без всякого сомнения, к числу передовых (т. е. современных), вряд ли облегчит положение с правами этой категории лиц в Чечне, да и в других регионах России тоже. Указанные правозащитники, как и руководство Совета Европы, будут, безусловно, удовлетворены таким российским законодательным решением, если оно состоится, конечно. Однако окажутся ли права указанных выше лиц реально, а не формально-юридически защищены более надежно или нет? Будет ли им после таких законодательных новелл, скажем неюридическим языком, легче жить? Думаю, что вряд ли, а, скорее, наоборот: такое модернистское решение вызовет лишь дополнительную волну агрессии по отношению к гей-сообществу в России. И поэтому отнюдь не все передовые и наиболее современные правозащитные инструменты уместны в нынешней российской среде, а некоторые из них способны нанести сегодня прямой вред именно тем лицам, на защиту прав которых эти инструменты направлены.

И еще один вопрос в связи с данной конкретной ситуацией: почему уровень агрессии и нетерпимости к ЛГБТ-сообществу в России намного выше, чем на Западе? Одной из причин этого является Октябрьский государственный переворот и последующее за ним в течение почти трех четвертей прошлого века правление коммунистов, которые уничтожали достоинство личности⁹ и сформировали в сознании масс идею: «будь как все»; «я – последняя буква алфавита». Так говорили детям в советской школе и прочих воспитательно-образовательных учреждениях.

⁷ См.: Убийства чести. Как амбиции известного ЛГБТ-активиста разбудили в Чечне страшный древний обычай // Новая газета. – 2017. – 3 апреля (№ 34).

⁸ Вы готовы не молчать? Результаты мониторинга случаев нарушения прав по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности в Свердловской области. – Екатеринбург : Ресурсный центр, 2017. – 38 с. (Этот материал см. также: URL: <http://center-r.com/vy-gotovy-ne-molchat/>) Ресурсный центр для ЛГБТИ в Екатеринбурге собирает информацию о случаях нарушения прав представителей данного сообщества в Екатеринбурге и Свердловской области.

⁹ Именно на принцип уважения достоинства личности ссылается Конституционный Суд РФ в постановлении от 23.09.2014 № 24-П, обосновывая необходимость защиты прав указанной категории лиц (Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П «По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексеева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова» // Официальный интернет-портал правовой информации. 25.09.2014. URL: <http://www.pravo.gov.ru>; Российская газета. 03.10.2014 (№ 226)).

Потому-то в советском обществе любой и каждый, кто был не таким, как все¹⁰, кто сильно выделялся из общей массы (и не важно почему – поэт ли он, композитор, ученый, художник, гей или политический оппонент), – тот рассматривался как враг, который всячески третируется, подвергался дискриминации, увольнялся с работы, изгонялся из общества и, в конце концов, отправлялся в Архипелаг ГУЛАГ, в отдаленные районы Сибири и Дальнего Востока, на пыточный стол или на тот свет! В СССР была заложена и пока не исчезла еще полностью установка на нетерпимость к «не таким, как все». Отчасти поэтому мы и получаем сегодня столь высокую степень агрессии по отношению к тем или иным меньшинствам, которые по определению «не такие», ибо они – меньшинства. Вот почему еще нам нельзя забывать свою историю и ее сложные, трагические траектории.

Важно обсудить также то, как данная траектория вписывается в современное развитие идеала прав человека (как и сам этот идеал вместе с практикой реализации его на Западе). Это необходимо делать потому, что Россия ориентируется на указанный идеал, и потому, что мы входим в Совет Европы, установки которого влияют на наше правозащитное развитие. Заметим, что это последнее, хотя и в гораздо меньшей степени, но тоже влияет на развитие данного идеала и его практического воплощения в западном правовом пространстве¹¹.

В любом случае анализ тех или иных проблем, с которыми сталкивается правозащитный идеал на Западе в XXI веке, не означает, что ситуация с правами человека в России лучше, а российская правовая культура – выше, чем западноевропейская. Правильнее будет сделать противоположный вывод. Полагаю, что в целом мы отстаем от развитых западных стран как минимум на три четверти века коммунистического правления в СССР, а по некоторым позициям и – еще больше. Чтобы прояснить указанное утверждение, имеет смысл рассмотреть проблему прав человека в большом историческом контексте, а также то, какие вызовы испытывает эта идея и практика в России и в мире в XXI веке. Все это необходимо и для того, чтобы ясно понимать, на что и как нам теперь ориентироваться в области современной российской правозащитной политики. Без анализа вклада Октябрьской революции в современный мировой политический и правовой процесс, в развитие (или, скорее, торможение) права в России и в мире невозможно оценивать наши дальнейшие правовые перспективы потому, что это отправное – столетней давности – событие и последующие 74 года коммунистического эксперимента оказали глубочайшее, кардинально-катастрофическое воздействие как на саму идею прав человека в российском общественном правосознании, так и на ее реализацию на практике. Преодолеть быстро это влияние невозможно – даже при наличии конституционно закрепленных передовых правозащитных идей. Полученное в прошлом веке в итоге Октября 1917 года правовое наследие все еще продолжает оказывать свое неблагоприятное «давление» на реализацию конституционных положений о правах и свободах человека в России.

¹⁰ Про «не таких, как все» был в СССР даже соответствующий анекдот: смотрите, на очередном съезде партии все спят (при этом советскому слушателю не надо было пояснять, какой именно партии – она была одна-единственная: КПСС), а один – 3-й в пятом ряду – не спит. И что? Какой вывод делается далее в данном анекдоте? Он – энтузиаст, истинный коммунист? Нет! Вывод простой: он – враг! Почему?! Потому, что враг не спит, враг не дремлет. Ну, а базовый архетип советского и отчасти нашего нынешнего общества как его преемника в том, что если человек – не такой как все, то, значит, он – враг (ранее) или, как минимум, опасный и подозрительный человек (сегодня)!

¹¹ Иначе зачем избранный в 2017 году Президент Франции обсуждал бы проблему преследования геев в Чечне с Президентом РФ во время его визита в Париж в мае этого же года, если бы европейцев не волновал данный вопрос? Однако не все, как уже говорилось выше, современные западноевропейские методы решения проблем нарушения прав человека, и в частности борьбы с дискриминацией сексуальных меньшинств, подходят для российского общества сегодня.

2. Различные оценки Октябрьской революции 1917 года и значение этого события для России с точки зрения прав человека. Какое влияние оказал Октябрь 1917 года на права человека в России и почему этому событию важно давать оценку именно с данной точки зрения? Потому что коммунистический режим практически полностью уничтожил эту идею и соответствующий ей институт в СССР; практически полностью уничтожил он в стране и западную правовую традицию, к которой в определенной мере принадлежали мы до Октябрьской революции. Право, а точнее, закон (без права, т. е. неправовой закон) использовался в СССР лишь в качестве сугубо технического инструмента государственного управления и насильственного внедрения утопических проектов в действительность.

Коммунистический режим прямо нацелен на уничтожение прав и свобод человека: таково именно учение Маркса – Энгельса, а потом и Ленина о том, что государство и право – это лишние, не нужные победившему пролетариату инструменты. «Что касается права, то мы... подчеркнули оппозицию коммунизма против права как политического и частного, так и в его наиболее общей форме – в смысле права человека», – писали первые два классика марксизма-ленинизма в работе «Немецкая идеология»¹². Заложена здесь теоретическая установка коммунизма против права публичного и частного, а также против прав человека вообще нашла свое полное воплощение на практике. Оказалось, однако, что практическое воплощение идеи о последующем отмирании государства и права, с одной стороны, и о диктатуре пролетариата как власти, не связанной никакими законами, опирающейся непосредственно на насилие¹³, с другой – приводит лишь к обществу тотального бесправия, репрессий, уничтожения человеческого достоинства и ни к чему более привести не может. Причем общество этого вопиющего бесправия настолько противоречит человеческой природе, что без применения беспредельно жесткого и масштабного насилия к населению (как это имело место в других странах, шедших по пути коммунизма и продолжается в одном из последних его очагов – в Северной Корее¹⁴) коммунистический проект рано или поздно обречен на гибель, что и произошло с ним в СССР в начале 90-х годов прошлого столетия.

Оценки Октябрьских событий даются до сих пор самые разные и с самых разных позиций: одна из последних и весьма серьезных научных работ известного западного историка Н. Верта показывает коротко всю палитру взглядов на революционные события России начала XX века, причины возникновения мифа и «всемирного шарма Октября»¹⁵. Споры по поводу указанных оценок вряд ли ко-

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 3. – С. 197.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 37. – С. 245.

¹⁴ Ссылка китайской пропаганды на то, что под руководством Коммунистической партии Китая в стране продолжается строительство коммунизма, нацелена на лиц, не сведущих в области марксизма-ленинизма, ибо, как говорили классики этой доктрины, главный научный признак коммунизма – уничтожение частной собственности, чего в рыночном Китае отнюдь не наблюдается. См.: Энгельс Ф. Принципы коммунизма // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 4. – С. 330–335.

¹⁵ См.: Werth N. Les révolutions russes. – P. : Presses Universitaires de France, 2017. – P. 108–121 ; см. также: Le livre noir du communisme: Crimes, terreur, répression. – P. : Robert Laffont, 1997. – P. 5–312 ; Figes O. La révolution russe: 1891–1924. – Т. 1, 2. – P. : Gallimard, 2009 ; Courtois S. Communisme et totalitarisme. – P. : Perrin, 2009 ; Fitzpatrick S. The Russian Revolution. – Oxford, 1994 ; Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. – 2-е изд., доп. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. – 967 с. – (История сталинизма) ; Карр Э. Х. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917–1929. – М. : Интер-Версо, 1990 ; Медушевский А. Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. – М. ; СПб.,

гда-нибудь утихнут, однако с точки зрения выделенного нами критерия – прав человека – научные и юридические квалификации не могут быть ничем иным, как однозначное осуждение коммунистического режима за сотворенные им преступные злодеяния – массовые репрессии, многомиллионные жертвы¹⁶ и тотальное насилие над обществом (про позитивные достижения советского режима или, точнее, населения России будет сказано ниже).

Октябрь 1917 года и всё, что он породил в течение трех четвертей XX века, – подлинная трагедия для России. Если сказать коротко и по существу о том, что происходило в стране в этот период, то можно подытожить так: кучка хорошо организованных заговорщиков-большевиков, фанатиков¹⁷ и экстремистов (террористов, как принято называть таких субъектов сегодня), «намагниченных», как пишет Н. А. Бердяев, «чем-то запредельным, потусторонним», поддержанная в начальные критические моменты своего становления определенной частью обманутого ими народа¹⁸, на протяжении почти что половины указанного периода целенаправленно и методично уничтожала десятки миллионов соотечественников (первая отличительная черта указанного периода) под флагом реализации очень красивой и привлекательной, почти религиозной по ряду признаков идеи – идеологии, нацеленной на построение коммунистического рая на земле (вторая отличительная его черта), а потом – оставшуюся половину этого периода, – продолжая эксплуатировать указанную утопию, цеплялась за власть в стране, которая находилась в ситуации общего застоя и лишь медленного движения в направлении полного краха ответственного за эту полу-стагнацию режима, что и произошло с ним вместе с распадом СССР!

Для прихода к власти и проведения революционных (читай: катастрофических для России) преобразований большевики совершили государственный переворот и сделали они это – что необходимо особенно подчеркнуть в силу редкого указания на такой факт – дважды: в упомянутом уже октябре (ноябре по новому стилю) – взятие Зимнего дворца и свержение легитимного Временного правительства и второй раз, 5–6 (18–19) января 1918 г., в форме разгона Учредительного Собрания, выборы в которые большевики проиграли. Но вместо того, чтобы подчиниться волеизъявлению избирателей и вместе с другими политическими силами пойти по пути парламентской демократии, большевики предпочли ей диктатуру (на сло-

2017, и др. Литература по этой теме бесконечна и требует специальной работы для ее даже лишь поверхностного обозрения...

¹⁶ Точные цифры жертв по известным причинам вряд ли когда-нибудь будут установлены, поэтому можно указать лишь примерные данные: от 20 млн (см.: *Le livre noir du communisme: Crimes, terreur, répression* ... P. 8, 14–15) до более 50 миллионов человек (см.: Явлинский Г. Госпереворот в России: столетняя трагедия // Новая газета. 6.11.2017). О жертвах политических репрессий в СССР необходимо помнить всегда, чтобы такое не повторилось никогда. Очень мудро сказала об этом Н. Солженицына, слова которой на открытии памятника «Стена скорби» в Москве процитировал Президент России В. В. Путин: «Знать, помнить, осудить и только потом простить» (Новая газета. 30.10.2017).

¹⁷ О фанатизме как о камуфляже жестокости большевиков см.: Рассел Б. Практика и теория большевизма. – М.: Наука, 1991. – С. 9–10.

¹⁸ Бердяев Н. А. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. – М.: Феникс, 1991. – С. 52. Слово «кучка» используется здесь в смысле немногочисленности, а не в оторванности ее от определенной части народа, ибо трудно не согласиться с замечанием Н. А. Бердяева о том, что «поверхностно и ложно смотрят на большевизм те, которые видят в нем исключительно внешнее насилие над русским народом шайки разбойников. Так нельзя понимать исторические судьбы народа... Большевики не шайка разбойников, напавших на русский народ в его историческом пути и связавшая его по рукам и ногам, и не случайна их победа. Большевизм есть явление гораздо более глубокое и более страшное, более зловещее... Большевизм есть не внешнее, а внутреннее для русского народа явление, его тяжелая духовная болезнь, органический недуг русского народа» (Там же, с. 42).

вах, пролетариата¹⁹, а на деле – верхушки партийного руководства) – расстреляли демонстрации в поддержку Учредительного Собрания, убили ряд его депутатов и т. д. Эти преступные акции и положили начало массовому «Красному террору», растянувшемуся на десятки лет и приведшему к уничтожению коммунистическим режимом десятков миллионов соотечественников. Другое название этого процесса – Октябрьская революция (т. е. Октябрьский государственный переворот плюс первая, активная фаза коммунистического эксперимента) или – с точки зрения иных – ошибочных, а потому позитивно-восторженных – оценок данного события – Великая Октябрьская социалистическая революция. Очевидно, что последняя – как бы ее ни называли – складывалась не из одного лишь геноцида российского народа по классовым, идеологическим, национальным и некоторым иным – часто случайным – признакам, а из многообразной экономической, социальной, демографической, национальной, юридической и т. п. политики и продолжалась она не одно поколение, так как понятие революции не нужно путать с краткосрочными (несколько дней в итоге) государственными переворотами, реформами или иными преобразованиями отдельных сфер жизни общества.

Настоящие революции производят всеобъемлющий переворот во всех областях социальной жизни, включая всегда и правовую сферу тоже; проводятся стремительно и насильственно; продолжаются не одно поколение и затрагивают соседние страны и регионы, а порой и весь мир в целом²⁰. Исследователь западной традиции права Г. Берман отмечает, что в период с XI–XII по XX в. на Западе произошло шесть таких великих революций, которые сформировали как сам Запад в целом, так и его правовую традицию: Папская революция как первый важный поворотный пункт европейской истории, протестантская Реформация в Германии, Английская, Французская, Американская и Русская революции²¹. Не ставя задачи сравнительного анализа этих революций по указанным выше или иным возможным параметрам, отметим лишь самое главное: столь массовое и масштабное истребление собственного народа, столь всеобъемлющий и продолжительный террор, направленный на уничтожение человека как такового, а тем более его достоинства и соответствующих этому правовых начал именно под лозунгом – оказавшимся полностью лживым – его утверждения (как цель построения коммунистической утопии) резко отличают Октябрьскую революцию от других, и в этих двух параметрах, повторю еще раз, глубинная суть, квинтэссенция того, что происходило в России начиная с 25 октября 1917 года до середины 50-х и далее в «смягченном» виде до конца 80-х – начала 90-х годов прошлого столетия. И как только насилие перестало осуществляться интенсивно и в массовых масштабах, правящий режим развалился.

Внутри этого 74-летнего исторического этапа можно выделить как минимум два периода: период открытого террора²², т. е. становления, укрепления и даль-

¹⁹ Слово «пролетариат» большевики использовали не в обычном его смысле, а лишь для обмана населения. Хорошо об этом написал Б. Рассел: говоря о диктатуре пролетариате, русский коммунист понимает «диктатуру» буквально, а под пролетариатом имеет «в виду “классово сознательную” часть пролетариата, т. е. коммунистическую партию. Он включает в пролетариат людей, которые никоим образом не являются пролетариями (таких, как Ленин, Чичерин), но имеют “правильные” взгляды, и он исключает тех наемных работников, которые таких взглядов не имеют; последних он называет лакеями буржуазии» (Рассел Б. Указ. соч. С. 16).

²⁰ Г. Берман со ссылкой на работы Ойгена Розеншток-Хюсси выделяет первые четыре признака понятия «революция». См.: Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования : пер. с англ. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – С. 106.

²¹ Там же. С. 35.

²² Отметим, что в рамках этого периода была некоторая «пауза» или «затишье» в осуществлении тотального террора в стране, что оказалось, по сути дела, лишь плацдармом для подготовки большевиков к решающим битвам, когда ослабленные гражданской войной они вынуждены были

нейшего функционирования тоталитаризма в России (СССР) – с 25 октября (7 ноября) 1917 г. до середины 50-х годов и затем период авторитаризма, т. е. косвенного, или «мягкого», насилия (до конца 80-х – начала 90-х годов). Последний период характеризовался застоем, загниванием и – после непродолжительной попытки «перестройки» в 1985–1991 гг. – полным крахом идеи и практики строительства коммунизма, когда в конце 1993 года потерпели поражение некоторые наиболее ярые сторонники коммунизма (называющие этот строй очередным ложным, сбивающим с толку термином – «общенародным» социализмом). Но, к сожалению, методы, которые использовала новая демократическая власть иначе как большевистскими не назовешь (и это доказывает, что мы не освободились еще от имманентно присущей советской идеологии «бациллы» насилия): опять человеческие жертвы, опять стрельба (в этот раз по зданию Верховного Совета РФ, где находились легитимные депутаты, которые защищали свое Отечество, которое они любили и любят не меньше тех, кто в них стрелял, что доказывает чудовищность любых насильственных методов при решении социально-политических и прочих проблем в обществе). В итоге этого – также октябрьского (но уже 1993 года) – кризиса была принята ныне действующая Конституция России и страна вступила в новую эпоху – эпоху строительства свободного демократического общества, основанного на уважении достоинства личности и прав человека. В любом случае крах большевистско-коммунистического режима был предопределен, так как без интенсивного, жесткого и масштабного насилия этот режим не может существовать в принципе, ибо глубоко противоречит человеческой натуре. Рамки самой Октябрьской революции, в пределах которой были фундаментально реформатированы все стороны общественной жизни России, следует распространять до середины 50-х годов – времени прекращения массовых репрессий в СССР. Вдохновителем и организатором этих репрессий – ее руководящим ядром – была верхушка коммунистической партии (под последним ее наименованием Коммунистическая партия Советского Союза), но отнюдь не рядовые ее члены, многие из которых искренне верили в светлое коммунистическое будущее и поэтому активно участвовали в этом, как считалось тогда, грандиозном историческом эксперименте. Верхушка КПСС и ее интеллектуальная и прочая обслуга – кто-то по наивной вере в утопию, кто-то из страха, а кто-то с полным цинизмом и корыстными целями – создавали все эти годы привлекательный миф о Великой Октябрьской социалистической революции, который не так-то легко преодолеть как в России, так и мире, как в обыденном сознании, так и в науке. И слово «Великая» в этом сочетании может иметь, по нашему мнению, только один смысл – Великая Трагедия, ибо независимо от разных оценок, а также беря ситуацию в сравнительном аспекте с другими странами, которые избежали подобных трагических эксцессов или завершили их гораздо быстрее и не с такими колоссальными человеческими потерями, следует констатировать, что в результате попытки реализации коммунистической утопии в России мы получили катастрофические последствия во всех областях нашей жизни – в социальной (низкая продолжительность жизни в СССР, например), демографической (уничтожение десятков миллионов соотечественников), экономической (проиграли экономическое соревнование рыночным странам), экологической, политической (авторитаризм) и, конечно же, в правовой тоже. Что касается последней, то распад западной традиции права, куда в определенной мере входит и правовая система России, берет начало, хотя и, по мысли Г. Бермана, лишь отчасти, именно в «социалистиче-

проводить в течение 1921–1928 гг. новую экономическую политику вместо навязываемого до этого населению «военного коммунизма».

ских революциях, первой из которых была революция в России в октябре 1917 г.»²³.

Миф о неотвратимости большевистской революции, ведущей к социализму и коммунизму, альтернативы которому якобы не было, или о реализации неумолимой исторической закономерности²⁴ в виде прихода к власти коммунистов, либо, наконец, явная ложь о выборе социализма народом, массовом народном движении (это можно сказать лишь о предыдущих революциях – 1905 года и февраля 1917-го) в поддержку Октября и т. д., и т. п. опровергается как множеством известных исторических свидетельств, т. е. восстановленной без идеологических пристрастий череды революционных событий, так и, в конечном счете, бесславным завершением, а точнее, полным крахом данного проекта, что является одним из важнейших доказательств как его утопичности, так и случайного характера. Зачем и кому понадобился бы такой масштабный и продолжительный террор, если бы народ выбрал социализм и проповедующую его власть сознательно, целенаправленно, массово и с энтузиазмом? Большой террор в последнем случае был бы просто невыносим! Советская идеологизированная общественная псевдонаука под названием «история КПСС» и «научный коммунизм» исходят из того только, что если в истории нечто произошло, то, значит, этому «нечто» не было никакой альтернативы. Это – наивный и абсолютно ошибочный аргумент! Современные методы синергетики показывают, что когда система находится в кризисе, т. е. в неустойчивом состоянии (как это и было накануне 1917 года), то возможны весьма разнообразные направления выхода из кризиса и неустойчивости – порой совершенно случайные и неожиданные, а иногда даже совершенно нелепые и самоубийственные, т. е. направленные – как и произошло это в России сто лет назад – на самоуничтожение и распад социума в целом. Так, неожиданность февраля – марта и череда случайностей, приведшая к октябрю 1917 г., подтверждается, например, тем, что даже такой выдающийся политик, хитрый и циничный стратег²⁵ – настоящий злой гений русского коммунизма – В. И. Ленин и тот сомневался в скором наступлении революции, ибо еще в январе 1917 г. (!) он говорил, что «мы, старые партийцы, не увидим, по-видимому, решительных битв будущей революции»²⁶, т. е. не доживем до этих «светлых дней». Но, к сожалению, они дожили и использовали демократический потенциал и освободительный подъем населения сначала для своего прихода к власти, а затем для уничтожения самого этого потенциала в корне.

Октябрь 1917-го и январь 1918 года – два государственных переворота, которые послужили основанием для дальнейшего насильственного преобразования страны в коммунистический, т. е., как оказалось далее на деле, в наиболее жестокий тоталитарный режим – всё это, по сути дела, и называется Октябрьской рево-

²³ См.: Берман Г. Указ. соч. С. 53.

²⁴ «Исторические закономерности» неминуемого осуществления марксистско-ленинской доктрины в целом весьма едко высмеял К. Поппер в своем предисловии к работе Ниццета историзма. См.: Поппер К. Ниццета историзма. – М.: Прогресс, 1993. – 188 с.; См. также: Историческая неизбежность? Ключевые события русской революции / под ред. Т. Брентона; пер. с англ. – М.: Альпина нонфикшн, 2017. – 414 с. Вся эта книга посвящена событиям, когда, как пишет во вступлении Тони Брентон, «ощущение случайности происходящего особенно сильно» (С. 22).

²⁵ Хотя Курцио Малапарте утверждает, что «та историческая роль, которую Ленин сыграл в революции (автор называет так сам Октябрьский госпереворот. – А. С.), не дает оснований называть его великом стратегом» (Малапарте К. Техника государственного переворота: пер. с ит. – М.: Аграф, 1998. С. 99). Октябрьский переворот, как известно, организовал и провел Троцкий, о чем указывают все его современники, включая Сталина (но лишь в его ранней статье в «Правде» от 6 ноября 1918 г.); См.: Васецкий Н. А. Л. Д. Троцкий: политический портрет // Троцкий Л. Д. К истории русской революции. – М.: Политиздат, 1990. – С. 27.

²⁶ См.: Courtois S. L'inventeur du totalitarisme // Le Figaro Histoire. – Février-Mars 2017. – Bimestriel. – № 30. – P. 69.

люцией 1917 года в широком смысле слова, т. е. считая от октябрьского начала ее до ее полного краха в 90-х годах прошлого века. И вот здесь-то уж точно сработали закономерности истории, так как в середине 80-х годов прошлого века, когда в СССР началась перестройка, никаких внешних признаков кризиса коммунистического режима замечено не было. Буржуазно-демократический путь, начатый революцией 1905 года и подхваченный Февралем 1917-го, был уничтожен указанными выше преступными акциями – государственными переворотами, произведенными малочисленной, но циничной и беспринципной кучкой заговорщиков, которые легко победили просто потому, что, во-первых, страна была обескровлена своим участием в Первой мировой войне. Последняя усугубила до предела все довоенные социальные язвы, а точнее, всеобщий, не разрешенный до начала мировой войны фундаментальный кризис, который складывался из проблем социальных, демографических, экономических, политических, крестьянских, национальных и прочих. Во-вторых, новая буржуазно-демократическая власть в момент Октябрьского переворота существовала лишь де-юре, но не де-факто: после падения царизма старая государственная машина быстро разрушалась, а новая – Временное правительство, сформированное легитимным органом – Государственной думой IV созыва и поддержанное в ряде отношений стихийно возникшим Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов, – не успела еще организоваться и обеспечить хотя бы минимально достаточный уровень управления страной для того, чтобы начать устранение последствий всеобщего кризиса в обществе.

Большевики победили, в-третьих, еще и потому, что получили финансовую и иную поддержку от воюющей с Россией Германии. Политически маргинальная сила – так называемые «большевики» (названные так лишь по случайному факту одного из внутрипартийных голосований на съезде РСДРП в 1903 г., где они оказались в большинстве – никакого иного, более широкого и в этом смысле настоящего большинства у них никогда не было в истории) – насчитывали на начало 1917 г. не более 25 тысяч членов, что означало практически нулевую поддержку этой партии со стороны почти ста семидесяти миллионного населения России, что вполне понятно, ибо это была партия с непопулярной и крайне агрессивной идеологией (в том числе со своими призывами к классовой войне путем «превращения империалистической войны в войну гражданскую»), основное руководство которой долгое время находилось вне основных центров революционного движения страны – в ссылке, изгнании, в том числе за рубежом и (или) под следствием ввиду совершенно заслуженных и обоснованных подозрений в их тесных связях с правительством воюющей против России страны. Небольшая партия-маргинал без массивной финансовой и иной поддержки со стороны Германии не могла бы предпринять никаких заметных политических акций: немецкие деньги – важный финансовый источник существования большевиков до того момента, когда их лживые, но красивые лозунги и привлекательные обещания были поддержаны беднейшими массами населения. Проезд В. И. Ленина через территорию воюющей с Россией державы возможен был лишь в условиях его работы на Вильгельма II – как в прямом смысле слова – работы за деньги, – так и в основном потому, что интересы этих двух политических фигур по вопросу уничтожения легитимной власти в России и по их общему стремлению к поражению ее в войне с Германией совпадали. Именно в силу непопулярности, маргинальности, немногочисленности и отсутствия какой-либо поддержки большевиков среди населения России, их не рассматривали всерьез другие основные действующие политические силы России.

Большевики – вот настоящий иностранный агент нашей истории, деятельность которого потрясла весь мир, изменила направление его общего развития в XX веке и обескровила в итоге саму Россию. А самый главный иностранный агент до сих пор еще лежит в Москве на Красной площади, в мавзолее имени В. И. Ле-

нина! Финансирование большевистской политической партии из-за рубежа – один из многочисленных и в данном случае, к большому сожалению, успешных исторических примеров иностранного вмешательства одного государства во внутренние дела другого.

В-четвертых, по всем направлениям социального кризиса большевики выдвинули очень красивые лозунги: «Мир – народам!», «Власть – Советам!», «Земля – крестьянам!», «Фабрики – рабочим!», самоопределение наций вплоть до отделения их от России и т. д., и т. п., которые изначально были лживыми либо частично, либо полностью. Последнее в том числе и потому, что никто не собирался реализовывать эти лозунги сами по себе, а использовал их лишь как средство для удержания власти с целью построения в дальнейшем утопического общества во всем мире или хотя бы в отдельно взятой стране. Так, например, лозунг «Мир – народам!» был ложным лишь частично, так как для сохранения своей власти большевики, действительно, вывели Россию из войны мировой, но ввергли страну в войну гражданскую, которая продолжалась фактически до прекращения Большого террора в середине 50-х годов. Если взять такой критерий определения войны, как «тысяча погибших в результате боевых действий в год»²⁷, то репрессии режима до середины 50-х годов приводили к гораздо большим жертвам, и поэтому определение «гражданская война» носит буквальный, а не метафорический характер в отличие от привычных для читателя дат: 1918–1922 гг.; правда, термин «боевые действия», характерный для любой войны, имел после 1922 г. сильную специфику (хотя и до 1922 г. – тоже: использование, например, отравляющих веществ против соотечественников, не согласных с политикой пришедшей к власти политической партии и т. д.), ибо трудно назвать так («боевые действия») уничтожение безоружных людей самыми разными средствами и методами – через голодомор, внесудебное и псевдосудебное убийство, нечеловеческие условия существования в концлагерях и при переселении народов, приводившие большие массы людей к быстрой и «естественной», по «статистике», смерти, и т. д., и т. п. Как уже отмечалось выше, В. И. Ленин вскоре после начала Первой мировой войны выдвинул лозунг о необходимости «превращения войны империалистической в войну гражданскую», что было открытым и прямым призывом к братоубийственной бойне. Каким же образом тогда и в каком мере большевистский лозунг о «мире» можно считать искренним и правдивым? Только в случае, если есть сильное желание обмануться и (или) оправдать установленный в СССР преступный коммунистический режим. Выход России из мировой войны был для большевистской партии жизненной необходимостью средством удержания власти и временной передышкой в ожидании мировой пролетарской революции.

Руководство коммунистической партии хорошо понимало, что перечисленные выше лозунги смогут привлечь к ним широкие массы, но когда последние поняли, что на самом деле все обстоит совсем иначе, а в большинстве случаев – прямо противоположным образом, то было уже очень поздно, и в итоге вместо «мира – народам» Россия получила Красный террор, т. е. растянувшуюся на десятилетия Гражданскую войну, концлагеря, массовый геноцид населения по классовому и иным признакам, а в широком смысле по признаку «несознательности», т. е. несогласия с новой властью. Вместо «власти – Советам» государственная власть в стране была захвачена верхушкой компартии; вместо «земли – крестьянам», а «фабрик – рабочим» собственность была отдана государству, точнее, высшему аппарату партийно-государственной власти, но не крестьянам и рабочим, и т. д.

В-пятых, политическая и правовая культура как руководящей элиты, так и значительной части населения, которое лишь немногим (по масштабам историче-

²⁷ Калдор М. Новые и старые войны. Организованное насилие в глобальную эпоху. – М., 2015. – С. 389.

ского измерения времени) более полувека до этих революционных потрясений жило еще в условиях крепостничества и – до последнего момента – под гнетом самодержавия, была крайне низкой: отсутствовал опыт демократического строительства на высшем государственном уровне (элементы общинного и земского самоуправления не заменяют демократии как государственно-правового режима и тем более парламентаризма, а что касается земств, то они и просуществовали-то в России всего чуть более полувека), не было понимания всей меры ответственности за свой политический выбор и т. д.

В-шестых, и это (вместе с красивыми лозунгами) есть самое главное для победы, дальнейшего укрепления и осуществления новой властью Великой Октябрьской социалистической революции, включая попытку коммунистического эксперимента: применение исключительного по своей свирепости, размаху и безграничности, часто бессмысленного и социально деструктивного насилия, сопряженного с многократным преувеличением уровня агрессии, «необходимого» и «достаточного» для запугивания населения, привело к тому, что общество вынуждено было подчиниться вакханалии этой новой, преступной власти, которая воспевала свою выдающуюся историческую миссию, безальтернативность, успешность, гениальность и формировало в общественном сознании подобные же лживые оценки, которые живы и по сегодняшний день.

Суть Октябрьской революции 1917 г. – это безграничное по своей жестокости насилие над людьми для достижения красивых, но полностью утопических, т. е. неосуществимых идей-целей (попытка железной рукой привести народ к коммунизму). Ответственность за этот социальный эксперимент лежит, в конечном счете, на всей нашей нации – элите, партийно-государственной власти, народе, т. е. на всем населении в целом. Однако нужно категорически различать ответственность палача и виктимное поведение жертвы, и поэтому место их в нашей истории – принципиально разное. Следует учитывать и то, что в социальных системах палачу (в данном случае партийно-государственной верхушке) «работать» трудно либо вообще невозможно, если он встречается с активным отпором со стороны не только жертв (иногда и отдельные палачи противодействовали тому, к чему их обязывало высшее руководство), но и – самое главное – с активным отпором всех остальных, не входящих в число представителей высшей государственной власти! То, что произошло, – произошло: революции не спрашивают позволения на свою реализацию – они осуществляются. Однако с высоты нашего исторического опыта, а также с учетом опыта всемирной истории можно сказать, что эволюционный путь развития в большинстве случаев – явление более органичное, а потому более предпочтительное для общества и отдельного человека, чем революции – какими бы высокими идеалами ни руководствовались их организаторы и вдохновители. Эти идеалы, как только они станут достаточно распространенными в культуре, реализуются в истории обычно сами собой и без всякой помощи, тем более «помощи» принудительной со стороны их нетерпеливых революционных доброжелателей. А вот путь насилия над обществом может привести к катастрофе – т. е. к тому, к чему люди никогда бы не пришли естественным, нормальным путем, хотя бы даже в силу присущего им простого здравого смысла.

3. Великие достижения советского периода – всенародное достояние. Оправдывают ли они массовые репрессии и насильственный приход к власти большевиков? Краткий и очевидный ответ на данный вопрос – нет! Однако именно для оправдания преступлений коммунистического режима ссылаются часто на то, что страна в советский период добилась больших успехов в социальной, экономической, военной, научной, культурной и других областях нашей жизни. Были ли позитивные достижения в стране рассматриваемого периода? Да, разумеется, были. И свершения эти – не малые! Нам есть чем гордиться! Однако

наличие достижений, с одной стороны, не доказывает, что их бы не было вообще или что они были бы меньше без кровавого коммунистического насилия над обществом, а с другой – никак не опровергают гипотез о том, что свершения могли бы быть гораздо значительнее – не будь Большого террора и активного уничтожения режимом своего собственного населения – собственников, предпринимателей, интеллигенции, рабочих, служащих, крестьян, не исключая, а, напротив, в первую очередь истребляя выдающихся их представителей (меценатов, инженеров, ученых, философов, писателей и т. д.).

В любом случае успехи нашей страны рассматриваемого периода принадлежат не узкой преступной верхушке коммунистической партии и тем более не ее главарю – лично «товарищу Сталину», и даже не всей в целом верховной государственно-партийной власти, а народу. Это – во-первых. Добивались их, во-вторых, не благодаря, а часто вопреки этой власти и практически всегда путем невероятных и колоссальных жертв среди населения (голодоморы, концлагеря и т. д.), которых в любых других условиях вообще не могло бы быть в принципе или они были бы в гораздо меньшей степени. Так, например, жертв Великой Отечественной войны было бы гораздо меньше, если бы Сталин не помогал политически (пакт Молотова – Риббентропа 1939 г.) и особенно экономически укреплению режима нацизма в Германии и одновременно не уничтожил бы высший командный состав Красной Армии накануне этой войны²⁸.

Не нужно забывать, в-третьих, что коммунистическая идея носит весьма привлекательный характер и способна вызывать – особенно когда она реализуется впервые в мире – энтузиазм и поддержку со стороны населения, пусть даже и не на очень длительный период. Привлекательность этой идеи такова, что Н. А. Бердяев²⁹ – великий исследователь истоков и смысла русского коммунизма в России – пришел к выводу о невозможности опровергнуть коммунизм рационально или победить его извне. Единственный путь его краха – самоистребление, когда коммунистическая идея полностью опозорится, когда она покажет свою исключительную кровожадность, крайнее человеконенавистничество и практическую нереализуемость: все это полностью и подтвердилось в конце прошлого века. Привлекательность коммунизма такова, что даже и сегодня есть люди, которые празднуют годовщину Октября 1917 года как самое прогрессивное и выдающееся политическое событие XX века, а не как растянувшуюся на треть прошлого столетия катастрофу и кровавую трагедию целого народа, каковым это отправное событие и является по самому своему существу. Энтузиасты и апологеты Октября 1917 года по-прежнему упирают на то, что он привел к построению нового общества, где власть и собственность принадлежала, по их мнению, народу, а не узкой верхушке КПСС, как мы все это хорошо знаем сегодня; где, по их мнению, отсутствовала эксплуатация и было установлено реальное равенство, а не принудительный, т. е. рабский, труд значительной части населения, сопровождаемый их нищетой и особо «упитанным» уровнем жизни узкой номенклатуры; где, по их мнению, впервые в истории человечества была установлена настоящая свобода и братство трудящихся, а не ГУЛАГ и жестокие, а с середины 50-х гг. более «мягкие», репрессии по отношению к инакомыслящим и т. д., и т. п., что мы и имели на самом деле в нашей истории указанного периода. А реальные провалы совет-

²⁸ Горбатов А. В. Годы и войны. Записки командарма. 1941–1945. – М. : Центрполиграф, 2008. – 584 с.

²⁹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М. : Наука, 1990. – С. 126 ; См. также: Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Русская идея. – М., 2002 ; Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции. Опыт 1917–1918 гг. – СПб. : Изд-во русского христианского гуманитарного института, 1999 ; Бердяев Н. А. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы ... С. 60.

ской власти приписывают не коммунизму, а сменившему его в результате якобы контрреволюционного бюрократического переворота³⁰ режиму, кардинально (и совершенно ошибочно) противопоставляя коммунизм и сталинизм, т. е. противопоставляя абсолютно одинаковые, неразрывно связанные друг другом феномены, являющиеся, по сути дела, братьями-близнецами, каковыми они и были в истории: коммунизм и сталинизм (с не очень уж большими своими разновидностями – такими, как маоизм, кимченынизм, режим Пол Пота – Иенг Сари и т. д.). Апологеты коммунизма не понимают, что этот режим не может иметь иное лицо, чем то, которое приобрел он в нашей истории и истории других стран, пошедших по тому же пути³¹ – как бы его при этом ни называть: ленинизм, сталинизм, маоизм и т. д.: это лицо репрессий и насилия над человеком, что вытекает из глубинной сути теории марксизма-ленинизма о насилии как повивальной бабке истории, о диктатуре пролетариата как власти, опирающейся на насилие, и других его положений.

Попытка реализовать утопическую коммунистическую идею – это не только десятки миллионов жертв, не только массовое насилие и репрессии, но и, в конечном итоге, – тотальная катастрофа для страны в целом, для любых аспектов ее жизни и для прав человека в особенности. Непонимание всего этого очень опасно, так как может привести к попыткам повторения подобного утопическо-репрессивного опыта в будущем. Если через какое-то время люди забудут про Октябрь 1917 г. или, что еще хуже, начнут воспевать его как выдающееся событие в истории человечества, тогда где-нибудь (в том числе и у нас) опять попробуют реализовать эту идею, и за доказательством далеко ходить не надо³².

Привлекательность коммунистической идеи, таким образом, не блекнет во времени, даже вопреки всей предшествующей истории ее преступлений и краха. Поэтому именно нашу трагическую историю не следует забывать как для того, чтобы эти события не повторились в будущем, так и для того, чтобы усилить нашу правозащитную политику, ибо приписывание позитивных оценок Октябрю 1917 г. и последующему за ним коммунистическому режиму, кроме очевидного расхождения с правдой истории, имеет очень опасные последствия в виде забве-

³⁰ Besancenot O. Que faire de 1917? Une contre-histoire de la révolution russe. – P. : Autrement, 2017. – P. 127–182 (особенно 143–160). Никакого контрреволюционного бюрократического переворота, о котором, повторяя старые троцкистские выдумки, пишет автор, не было, ибо руководили страной именно те лидеры и та партия, которые придерживались коммунистической идеологии и которые пришли под ее знаменами к власти в октябре 1917 г. Иначе как через репрессии, насилие, уничтожение несогласных, в своих же собственных рядах прежде всего, эти деятели править и не могли – таков закон любой тоталитарной системы, которая глубоко противоречит человеческой природе, но навязывается обществу фанатично преданными подобной утопической идее лицами. Сталин во внешне чуть измененном виде и в иной словесной «упаковке» воплотил в жизнь идеи Ленина о военном коммунизме (исключив лишь его обрекающие на быстрый провал крайности) и идеи Троцкого о милитаризованном социализме, с которым оспаривал свое лидерство в партии и государстве. Как только коммунистическая диктатура допускает реальную демократию в своих рядах и особенно во всем обществе, то она разваливается, что и произошло с ней, например, по итогам перестройки, начатой М. С. Горбачевым. И тогда система переходит к естественному для людей режиму большей свободы и защищенности в обществе, к тому или иному уровню демократии, реальность и глубина которых зависит от политической и правовой культуры населения (даже в условиях современного авторитарного режима России свободы здесь во много раз больше, чем в условиях советского «развитого социализма», не говоря об эпохе «расцвета» большевизма).

³¹ См.: Le livre noir du communisme: Crimes, terreur, répression ... P. 313–887.

³² Этим именно призывом (с добавлением «и как можно быстрее») заканчивается книга «товарища» Безансоно. См.: Besancenot O. Que faire de 1917? Une contre-histoire de la révolution russe. ... P. 194. В этом же – 2017 – году другой, более сдержанный и гораздо более мудрый представитель левых политических сил Франции Жан-Люк Меланшон – коммунист по сути своей (однако слово это здесь уже не в почете) – набрал почти 20 % голосов в первом туре президентских выборов во Франции. На своих выступлениях он говорил о необходимости рабочего контроля над частными предприятиями – только что слово «экспроприация» не произносил.

ния как идеи прав человека, так и – самое главное – памяти жертв этого режима, уничтожение которых коммунистами и стало основным содержанием последовавшим за семнадцатым годом всемирно-исторической трагедии. Если мы не будем говорить об этом хотя бы в юбилей, то, значит, будем искажать историю, фактически солидаризируясь с восторженными, но лживыми оценками этого события, дававшимися ему в советское время³³.

Возвращаясь к достижениям советского периода и к тому, что принадлежат они народу, а не правителям СССР, т. е. не верхушке партийно-советского аппарата, отметим еще раз, что некоторый минимум позитивных организационных действий необходим абсолютно любой правящей группе, хотя бы просто для того, чтобы удержаться у власти, и не зависит (до определенной меры) от той или иной идеологии, которую исповедует данная властная элита: следовательно, отдельные ее позитивные управленческие действия носили объективно необходимый характер самосохранения, а не вытекали из потребностей строительства коммунизма и (или) каких-то особых талантов и выдающихся способностей лидеров коммунистического режима. Поэтому именно образ «эффективного менеджера», который создается сегодня некоторыми силами в России для И. В. Сталина, – это лишь ложный миф для оправдания его преступлений. В любом случае все и любые достижения Советской России не оправдывают массовых жертв репрессивной политики коммунистов – политики, при которой человек был превращен в «винтик» гигантской системы, а его жизнь была обесценена и рассматривалась лишь как средство для решения «великих» задач, тем более что никто не доказал, что любой другой властный режим справился бы со своими задачами хуже коммунистического. Напротив, есть все данные, чтобы утверждать, что последний управлял страной крайне неэффективно. Вот что свидетельствуют по этому поводу великие мыслители и очевидцы Октябрьских событий и последующего советско-коммунистического «строительства». Посетивший в 1920 году Россию Бертран Рассел пишет весьма осторожно и, как представляется, вполне объективно о том, что «присуще только российским, а не любым иным коммунистам. Это, например, невероятный беспорядок, хаос, расточительство, которые шокируют Запад (особенно немцев), даже когда они испытывают политические симпатии к большевикам. По моему же убеждению, российское правительство – за исключением нескольких очень способных людей – не умеет решать организационные вопросы, как это делают немцы или американцы в сходных обстоятельствах... (Б. Рассел имеет в виду обстоятельства военной разрухи. – А. С.)»³⁴. Таков взгляд со стороны, свои же собственные наблюдатели пишут и жестче, и глубже: «Большевики лишь внешне поражают своей силой. Но они до ужаса бездарны, и на делах их лежит печать пошлости и скуки. Они имитируют людей власти. Но русский народ за всем этим и несмотря на все это живет, он остался великим и одаренным народом»³⁵. Особенно на последнее это утверждение Н. А. Бердяева я бы хотел обратить внимание в приведенном им оценочном противопоставлении убогих способностей верхушки советской власти и величия русского народа, который, как показывает наша история, на самом деле – великий и одаренный, а потому те ав-

³³ См.: Постановление ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции» от 4 января 1967 года. – М.: Политиздат, 1967. – 31 с.

³⁴ Рассел Б. Указ соч. С. 12. Другой серьезный западный исследователь, известный специалист в области советской и российской истории и политологии пишет, что большевики, уничтожив все ростки самоуправления и гражданского общества, установили в России «полностью нежизнеспособный» с высокой степенью централизации общественный порядок. См.: Саква Р. Коммунизм в России. Интерпретирующее эссе. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. – С. 8.

³⁵ Бердяев Н. А. Размышления о русской революции // Бердяев Н. А. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. – М.: Феникс, 1991. – С. 59–60.

торы, которые приписывают достижения советского периода Ленину, Сталину и в целом большевикам-коммунистам – те авторы унижают российский народ в данном конкретном случае и сильно недооценивают его в целом либо не понимают его настоящей великой роли во всемирной истории.

Приписывание всех достижений советского народа коммунистическому режиму не выдерживает никакой критики еще и потому, что не может быть доказано его сторонниками, которые исходят лишь из одной-единственной и почти всегда ошибочной логической формулы – «после этого, значит, по причине этого». Если результаты свободного демократического расцвета России – как вполне вероятного направления развития страны после Февральской революции 1917 года – не оставляют никаких сомнений (хотя бы на примере процветающего и лидирующего в мире практически по всем параметрам Запада), то о конкретном уровне достижений иного по идеологии политического режима (даже и авторитарного в случае, если демократические перспективы реализовались бы у нас не сразу) говорить сейчас очень трудно: каким образом можно доказать сегодня, чего бы добились Россия конкретно, если бы не катастрофа Октября 1917 года? Однако с полной уверенностью можно сказать обобщенно, что этих достижений было бы гораздо больше, чем имеем мы сегодня в результате столь человекозатратного коммунистического эксперимента. В качестве доказательства данного тезиса сошлемся на аргумент «крайности», а именно: после 25 октября 1917 года Россия была принуждена пойти по наихудшему – крайне наихудшему – из всех возможных направлений развития нашего Отечества. Трудно себе представить даже в порядке ничем не ограниченного мысленного эксперимента (других вариантов доказательства этой гипотезы, к сожалению, нет, так как историю нельзя прожить дважды) еще более негативную траекторию развития, чем та, которая реализовалась в нашей истории в результате прихода к власти большевиков. Если на имеющемся социальном, политическом и любом ином историческом материале России начала XX века кому-то удастся доказать возможность установления более ужасного, более агрессивного и более человеконенавистнического политического режима, чем коммунистический тоталитаризм, то в таком случае можно опровергнуть выдвинутый мною тезис о наихудшей траектории движения России после 25 октября (7 ноября) 1917 г., 5–6 (18–19) января 1918 г. и пережитой нашей страной в прошлом веке в связи с этой траекторией катастрофы и трагедии.

Можно ли оправдывать и даже восхвалять большевистско-советский режим? С научно-гипотетической точки зрения – да, можно, но только в том случае, если для этого будут найдены соответствующие весомые основания, ибо автор данной статьи выступает против одностороннего, тем более против обвинительного уклона и лишь пытается установить истину. Апология большевизма возможна лишь при том единственном условии, если удастся доказать, что он предотвратил в нашей стране еще большую социальную катастрофу, воспрепятствовал приходу к власти гораздо более свирепого античеловеческого режима, который уничтожил бы еще большее количество собственного населения и т. д., и т. п. И тогда только – если удастся доказать, что могло быть гораздо хуже, чем оказаться во власти коммунистического режима, – будут уместны утверждения, что коммунисты спасли Россию от чего-то там еще более ужасного и непоправимого (?!).

Нередко утверждается, что коммунисты в короткие сроки добились выдающихся результатов: провели индустриализацию, коллективизацию, ликвидировали анархию, безграмотность значительной части населения, отстояли независимость страны, т. е. предотвратили, видимо, ее колонизацию и т. д., и т. п. Некоторые говорят, что организованная ими «практика государственного строительства, суровая и часто жестокая, требующая отказа от частных интересов во имя государства и добивающаяся этого силой способствовала сохранению отечественной

государственности, ибо более всего служила формированию солидарных интересов различных социальных групп»³⁶.

Такие оценки в нашей апологетической литературе встречаются, к сожалению, нередко, но если анализировать их, то оказывается, что они основаны либо на распространенных еще большевиками мифах, либо никак не опровергают (точнее, вообще ничего не говорят), что любая иная власть могла бы добиться большего, либо лишены порой какого бы то ни было смысла, хотя звучат завораживающе, и т. д. К последним, в частности, относится утверждение о том, что продиктованная социальной необходимостью практика «государственного строительства... способствовала сохранению отечественной государственности...»³⁷ Вот это-то последнее утверждение лишено всякого смысла, если использовать выделенные слова в обычном их значении. Известно, что в дореволюционной России «отечественная государственность» была монархической и сохранение ее означало бы, что большевики должны были восстановить (сохранить таким образом) ее либо, как минимум, сохранить линию ее эволюции, наметившуюся после 1905 года и прервавшуюся в результате Февральской революции 1917 года (хотя изменение в последнем случае формы правления на республику вполне могло бы сочетаться далее с сохранением значительной части российской государственности), т. е. тенденцию на формирование ограниченной, конституционной монархии. Я не являюсь сторонником монархии, но вполне согласился бы с тем, если бы в России сформировался вариант цивилизованной парламентарной монархии: наподобие той, которая имеется в Великобритании и в ряде других развитых западных демократий с указанной формой правления. Ответственная за такой вариант развития российской государственности политическая сила могла бы рассчитывать на лавры тех, кто, действительно, «способствовал сохранению отечественной государственности». Но при чем здесь большевики?! Они-то как раз и уничтожили доставшуюся нам от наших предков (если понимать слово «отечественный» в обычном смысле) государственность и на ее месте построили государственность принципиально новую – советскую по форме, но фиктивную по существу, так как на деле была организована диктатура верхушки компартии, которая создала свою, новую партийно-государственную систему управления страной (следовательно, не сохранила имеющуюся до сих пор отечественную государственность). Это – первое. Второе: если вспомнить классические установки ленинизма, например из работы «Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции»³⁸, то слом буржуазной государственной машины, буржуазной армии, буржуазного чиновничьего аппарата, буржуазной полиции и т. д. является одним из законов пролетарской, по Ленину, революции. Большевики, таким образом, и не стремились к сохранению отечественной государственности, но только к ее уничтожению. Как же тогда они могли «способствовать сохранению отечественной государственности», имея прямо противоположные теоретические и практические революционные установки?! Возможно, наконец, что автор считает возникшее на следующий день после Октябрьского переворота Советское государство – отечественным? Но по данной логике тогда какой угодно госпереворот приводит на следующий же день к возникновению новой «отечественной» государственности и их – таких «отечественных государственных» – может быть бесконечное множество или, возможно, что любое – какое бы ни было – государство, существующее и (или) возникшее – когда бы то ни было – на большей части территории дореволюционной России,

³⁶ Эбзеев Б. С. Великая российская революция, власть и свобода: идейные истоки и конституционное устройство // Государство и право. – 2017. – № 7. – С. 21.

³⁷ Там же. С. 21.

³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 33. – С. 1–120.

всегда будет для автора рассматриваемой «сохранительной» идеи отечественным, что, по моему мнению, тоже не имеет никакого смысла. Непонятно тогда, о каком «сохранении отечественной государственности» (и от кого именно, кто ее мог уничтожить?) говорит цитируемый выше автор и какой конкретно период имеет в виду? Большевики-коммунисты способствовали сохранению лишь своей собственной власти, которую Б. С. Эбзеев почему-то называет «отечественной» во время гражданской войны 1918–1922 гг. и в дальнейшем, в том числе во время Отечественной войны 1941–1945 гг., когда народ защищал не власть (как пытается внушить нам лживая советская пропаганда), а свое собственное Отечество. Если автор имеет в виду организаторские усилия коммунистической власти и во время этой войны, которые, разумеется, были, хотя они – отнюдь не главное условие «сохранения государственности» и независимости страны. Считать иначе – значит отнимать у советского народа его победу, приписывая главные заслуги узкому партийному руководству СССР – хранителю «отечественной государственности», а не народу, который и является настоящим победителем в этой войне. В итоге формулировка о «сохранении государственности» звучит как похвала (но не ясно, за что именно) большевистско-коммунистическому режиму.

Не совсем понятны и другие места из высказываний цитируемого автора, ибо говорит он какими-то намеками, исключая из своих описаний действующего и ответственного за свою политику властного субъекта, и тогда у него получается, что вместо этого субъекта – коммунистического режима – позитивные оценки (о «сохранении») приписываются как будто бы и не ему, а некоей анонимной «практике государственного строительства» (см. цитату выше, что дает автору основания утверждать, будто бы он не восхваляет действия большевиков), хотя нет сомнений в том, что эта практика была насильственно организована действующей тогда большевистско-коммунистической властью.

Требуется дополнительных комментариев и продолжение данной формулировки автора по поводу того, что практика государственного строительства, которая была «суровая и часто жестокая» (с этой авторской квалификацией я полностью согласен) способствовала также «формированию солидарных интересов различных социальных групп»³⁹. О чем здесь идет речь? О формировании солидарных интересов таким очень «эффективным» способом, как физическое («суровое и часто жестокое») истребление тех слоев населения, которые отказывались от большевистской «солидарности»? О солидарных интересах большинства (точнее, мифического – лишь на словах и лозунгах большинства, так как на деле собственность поступила в распоряжение другого меньшинства – верхушки партгосаппарата) против экспроприированного, т. е. ограбленного им, меньшинства законных собственников? Или о солидарных интересах рабочего класса (города) и ограбленного государством для нужд индустриализации крестьянства (деревни)? О солидарных интересах людей в условиях голодоморов, концентрационных лагерей, военных и социальных трудностей? В последнем случае можно было бы согласиться с автором (если он учитывает этот смысл, хотя если и не учитывает, то вряд ли, как мне кажется, будет возражать против такого понимания его слов), ибо российский народ без определенной и немалой доли солидарности, взаимной помощи и единства не выстоял бы в условиях тех суровых лишений, на которые обрекала его коммунистическая власть, но только вряд ли последнее может звучать как похвала этой власти, для защиты от жестоких действий которой часто и объединялся народ, чтобы выжить.

Наконец, интересен призыв Б. С. Эбзеева использовать особый критерий оценки результатов Октябрьской революции и отказа его теоретиков и практиков

³⁹ Эбзеев Б. С. Указ соч. С. 21.

от буржуазно-демократических прав и свобод, принципов правления права и правового государства: он пишет, что «если воздерживаться от следования распространённому обычаю судить о прошлом с позиции современных идеалов, то...», и далее рассмотренная уже нами позитивная его оценка «сохранения отечественной государственности» и «формирования солидарности». С абстрактной точки зрения призыв автора, как кажется на первый взгляд, вполне соответствует обычным методологическим требованиям к научным историческим исследованиям. Однако в данном конкретном случае данный призыв неуместен, и вот почему: первое возражение состоит в том, что современные для нас идеалы прав человека были такими же современными для России и 100 лет назад. Идеалы эти не возникли вдруг только сегодня и только после Октябрьской революции, а были провозглашены, как уже указывалось выше, в эпоху Просвещения. Второе возражение связано с тем, что если не судить Октябрьскую революцию с точки зрения провозглашённых два-три столетия назад и остающихся по-прежнему современными идеалов прав человека, которые она уничтожила, тогда мы автоматически встаём на позицию победителей – творцов государственных переворотов и последующего утопического эксперимента в России – большевистско-коммунистической власти и оправдываем тем самым все их действия (именно все, ибо если оправдывать «суровую и часто жестокую» практику, то что говорить обо всем остальном!), что и делает уважаемый автор.

В итоге подчеркну ещё раз, что любое правительство проводило бы объективно назревшую на тот момент политику – экономическую (индустриальную, аграрную), социальную, культурную и т. д. И абсолютно точно, что любое другое правительство делало бы это с гораздо более высокой степенью эффективности, так как одна только гражданская война, развязанная большевиками (это – единственная партия, которая и планировала ее развязать, понимая, что иначе ее чудовищным планам будет дан серьёзный отпор), унесла миллионы человеческих жизней и разрушила страну до немыслимых в условиях любой иной политики пределов. Из идеи уничтожения соотечественников исходила и вся марксистско-ленинско-сталинская теория в целом и их учение о классовой борьбе в частности. Другие – более устрашающие сценарии развития, чем случившийся – такие, например, как потеря Россией независимости, колонизация ее со стороны иных, более развитых в то время стран и т. п. угрозы, которые якобы предотвратили большевики – это ни на чем не основанные фантазии с одной-единственной целью: оправдать преступный коммунистический режим и преуменьшить объем и меру его ответственности за свои злодеяния.

Россия победила в Отечественной войне 1812 года в условиях справедливо критикуемого всеми самодержавия, победила бы она Гитлера и при Керенском, если бы 25 октября (7 ноября) 1917 г. не был уничтожен буржуазно-демократический вектор развития страны (но была ли бы тогда сама эта Вторая мировая война?)! Потому что победа эта (и любая другая) принадлежит не царю и не Сталину (Ленину, Троцкому, гипотетическому Керенскому или какому угодно другому лидеру, группе лиц – типа Политбюро ЦК КПСС), а великому российскому народу!

4. Правовое наследие России и возможные пути его политико-правового развития «без Октября 1917 года». Анализ правового развития России в прошлом и прогнозы на будущее требуют ответа на вопрос о нашем правовом наследии, а именно: правовой нигилизм в целом, а также уничтожение закона и права в России «смутных» годов (после 25 октября 1917, в 1918–1922 гг.) и особенно в последующие десятилетия – результат лишь октябрьско-январского двойного государственного переворота или такое отношение к праву заложено в российской культуре изначально? Правовой нигилизм, неуважение к правам человека суще-

ствовали у нас, к сожалению, также и до Октябрьской революции, однако на этом основании нельзя говорить, что отрицание прав человека – сущностная черта российской культуры в целом и правовой ее разновидности в частности. Почему? Потому что Россия шла, хотя и медленно, с отставаниями, но в том же правовом и правозащитном направлении, что и страны Западной Европы и США. И свободы, а также соответствующих ей правовых и государственных начал при всех глубоких пороках царского самодержавия было в дореволюционной России гораздо больше, чем в СССР, власти которого принуждали народ к рабству и вели его к деморализации, а всё в целом «советское строительство» есть, как верно заметил Н. А. Бердяев, «система скотоводства, примененная к людям»⁴⁰. Этот великий русский мыслитель отмечает также, что «странно вспомнить о жалобах и негодованиях на отсутствие свободы и тиранию в старом строе. Тогда все-таки была огромная свобода по сравнению со строем советским»⁴¹. У Ричарда Саквы были все основания, чтобы написать: «Привычное восприятие России до 1917 г. как полицейского государства, пропитанного восточным деспотизмом, не соответствует действительности и вводит в заблуждение»⁴².

Судебная реформа 1864 была проведена царским правительством, а не большевиками, которые, напротив, уже первыми своими декретами о суде сломали все заложенные в ней, но хрупкие еще на тот момент правовые достижения и ценности. Новое Уголовное уложение было утверждено Николаем II 22 марта 1903 года. Проект этого документа ранее (в 1881 г.) был переведен на немецкий и французский языки и разослан иностранным ученым для рецензии; поступившие затем замечания составили пять томов, были опубликованы и внимательно изучались нашей доктриной. Уложение вводилось в действие по частям, но полностью так и не было введено, хотя документ для того времени был весьма прогрессивным: признавался принцип «нет преступления без указания о том в законе», устанавливался дифференцированный возраст уголовной ответственности, давалось законодательное определение понятия вины и т. д.⁴³ Другой важнейший документ – Проект Гражданского уложения, который был внесен на рассмотрение Государственной Думы в 1913 г., оценивается и ныне как один из самых лучших образцов цивилистической мысли, и как востребованный научный источник с далеко не исчерпанными идеями⁴⁴. Как в деталях, так и в общих подобно рода высоких оценках эту мысль прекрасно иллюстрируют и другие выдающиеся современные ученые⁴⁵. При подготовке ныне действующего ГК РФ, по крайней мере в первых

⁴⁰ Бердяев Н. А. Размышления о русской революции ... С. 59 (см. также с. 55).

⁴¹ Бердяев Н. А. Размышления о русской революции ... С. 60. Известный в советское время как анекдот, в котором описываются условия содержания в царских тюрьмах политзаключенных («В тюрьму, что ли, сесть, – говорит один революционер другому – там хоть отдохну, почитаю, подумаю да что-нибудь напишу») Питирим Сорокин, который мог сравнить эти условия до и после Октябрьской революции, приводит в своей автобиографии как широко распространенную в дореволюционной России в соответствующих кругах фразу: «В течение четырех месяцев, проведенных за решеткой, я, по-видимому, узнал больше, чем мог бы дать мне пропущенный семестр в церковно-учительской школе. Это относится и к моим будущим тюремным заключениям при царизме (но не при коммунистах), так же, впрочем, как и к тюремным заключениям многих русских ученых и мыслителей. Некоторые из их лучших работ были задуманы и выполнены вчерне в царских тюрьмах. В академических кругах тогдашней России бытовала фраза: «В тюрьму, что ли, сесть, там хоть спокойно поработаю». Мой опыт это вполне подтверждает» (Сорокин П. Дальняя дорога. Автобиография. – М.: Моск. рабочий : Терра, 1992. – С. 38).

⁴² Саква Р. Указ. соч. С. 27.

⁴³ См.: Курс уголовного права. Общая часть. – Т. 1 : Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. – М.: Зерцало, 1999. – С. 21–23.

⁴⁴ См.: Алексеев С. С. Частное право : научно-публицистический очерк // Алексеев С. С. Собр. соч. : в 10 т. – Т. 7. – М.: Статут, 2010. – С. 400.

⁴⁵ См.: Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. – Кн. первая : Общие положения. – 2-е изд. – М.: Статут, 2005. – С. 6.

своих частях, его авторы-разработчики использовали цивилистические наработки начала прошлого века.

Все это – судебная реформа, реформа уголовного и гражданского законодательства, попытки пойти по пути буржуазно-демократического реформ и внедрения присущих такому развитию прогрессивных правовых начал, основ парламентаризма и конституционализма, предпринятые с 1905 г. до февраля 1917-го и какие-то поиски этих путей чуть позже – вплоть до октября 1917 года, были вполне прогрессивными, необходимыми, обоснованными и вполне реализуемыми. В итоге российский правовой нигилизм был бы постепенно, но неминуемо преодолен. Однако, надорвавшись на коммунистической идее, которая кардинально ухудшила и без того неудовлетворительную дореволюционную ситуацию в области прав человека, мы имеем сегодня такой результат, который сильно осложняет борьбу за права и не способствует быстрому правовому прогрессу в целом. В то же время, подчеркну это еще раз, в российской правовой культуре нет каких-либо элементов или параметров, которые делали бы ее невосприимчивой к западной идее прав человека. Не случайно поэтому наш Основной закон, покончивший в 1993 году с коммунистическим прошлым, провозгласил в качестве важнейшей задачи защиту прав и свобод человека. Однако понятно, что для реализации имеющегося у нас конституционного правозащитного потенциала одной только записи в Основном законе каких-либо выдающихся правовых идей совершенно недостаточно. Нужна борьба за право и за права! Заметим еще, что такая борьба всегда велась и в западных странах тоже. Ведется она там и сегодня, поскольку уровень правовой защищенности – это не подарок от государства, а результат требований со стороны населения, подкрепленный при необходимости не только юридическими инструментами, но и ответственными политическими притязаниями.

С другой стороны, понятно и то, что без закрепления в нашей Конституции правозащитных идеалов трудно будет надеяться на их эффективную и глубокую реализацию, т. е. на правовую модернизацию России. В Конституции РФ нашли отражение практически все важные достижения, направленные на признание и уважение достоинства и ценности человека, защиты его прав и свобод. Лидеры перестройки были явно воодушевлены естественно-правовыми идеями XVII–XVIII вв., послевоенными идеями возрожденного естественного права, в реализации которых на практике мы отстали, как уже указывалось, по причине коммунистического эксперимента, начало которому положили большевики 25 октября (7 ноября) 1917 года. Даже если правовой нигилизм и был распространен в России ранее, то коммунистический режим довел этот нигилизм до максимально возможных пределов, затруднив и отодвинув борьбу за его преодоление на много десятилетий, а может быть, и больше.

Применение большевиками-коммунистами массового насилия в стране происходило как путем обращения их к самым низменным мотивам человеческой натуры («грабь награбленное», глумление над своими соотечественниками под видом борьбы с врагами народа, чем и занимались не одно десятилетие ленинско-сталинские палачи), так и путем эксплуатации тысячелетних – религиозных и иных – светлых грез человечества о равенстве и братстве, о справедливости и любви к ближнему. Однако в любом случае обращение к насилию, отрицание уважения человеческого достоинства и защищающих его правовых начал и принципов есть возвращение к архаике в жизни общества, к периоду, когда человечество только-только выделилось из животного мира и жило еще по звериным законам и прочим диким инстинктам. Утверждение же прав человека, правовой законности, реального парламентаризма и конституционализма есть путь правовой модернизации, без которого ни одна другая цель в прогрессивном развитии страны, в продвижении ее по пути цивилизации не может быть достигнута. Поэтому

сейчас перед нами стоит задача правовой модернизации, т. е. реализации в жизнь правозащитных идеалов, закрепленных в Конституции Российской Федерации 1993 года.

5. Необходимость и особенности современной правовой модернизации России в контексте вызовов идее и практике защиты прав человека в мире. За прошедшее с 1917 года время мир не стоял на месте: произошло немало изменений, которые помещают нашу правовую модернизацию в иные международные, мировые правовые контексты. Так, еще в 80-х гг. прошлого века Г. Берман отмечал наличие кризиса западной традиции права⁴⁶, которая складывается, как известно, из основанных на демократическом устройстве идей правового государства – правления права, в том числе конституционализма и прав человека, которые и имеются в виду, когда мы говорим о западной традиции права (Г. Берман дает развернутую характеристику элементов указанной традиции в процессе ее исторического становления) и западной правовой культуры в целом. Мы не достигли еще того необходимого уровня правового развития, который мог бы выдержать и пережить этот кризис. Однако это не исключает полностью и оптимистических прогнозов тоже.

Кризис западной правовой традиции и содержащихся в ней правозащитных идей, на которые мы ориентируемся, затрудняет нам выход из коммунистического правового нигилизма и формирование хотя бы минимально достаточного уровня уважения к праву и правозащитным началам. Новые явления в западной политике и культуре приводят к тому, что благие намерения в области прав человека оказываются нередко дорогой, ведущей в ад, либо о них забывают вовсе. Особенно мешают нам некоторые эксцессы и преувеличения в правозащитной политике Запада, до которых мы, возможно, еще не «доросли». Правда, некоторые западно-европейские исследователи начинают беспокоиться, что ситуация в ряде случаев принимает самые неблагоприятные направления развития и грозит крайне опасными последствиями, а если сказать точнее, то последствия эти заключаются в уничтожении полностью самой этой западной традиции права, включая именно идеи и практику правления права, конституционализма и прав человека, основанных на демократическом устройстве государства (вместе с самим этим демократическим устройством вкуче). Так, например, одна из недавних монографий в этой сфере имеет выразительное название: «Права человека против народа»⁴⁷. Сам по себе этот лозунг, т. е. без объяснения того, почему он используется автором (а используется он для критики политики, направленной на уничтожение европейской культуры под видом заботы о правах человека в контексте «столкновения цивилизаций») несет определенную угрозу правам человека как на Западе, так и в России, где еще не сформировался необходимый правозащитный фундамент. Действительно, будет ли полезна для нас такая критика западными учеными теории и практики прав человека, когда последние квалифицируются в указанной работе как «секуляризованная религия»⁴⁸ (мы сразу же вспоминаем здесь «опиум для народа», отказ от рационализма, догматизм и другие жесткие оценки религии ее критиками)? Заметим, что подобную критическую оценку правам человека – и уже не один десяток лет – дают и другие авторы. Например, Ален де Бенуа отмечает, что «права человека получили определение в качестве “религии человечества”» (Надин Гордимер), «всемирной секулярной религии» (Эли Визель). Они, как

⁴⁶ См.: Берман Г. Указ. соч. С. 13, 48–55.

⁴⁷ См.: Harouel J.-L. Les droits de l'homme contre le peuple. – P. : Desclée de Brouwer, 2016. – 144 p.

⁴⁸ Harouel J.-L. Op. cit. P. 41–74. Жан-Луис Аруэль – доктор права, профессор, почетный профессор Университета Пантеон-Ассас (Париж II), опубликовал два десятка книг, последние из которых посвящены исследованию влияния религиозного фактора на формирование человеческого общества.

пишет Режи Дебре, являются на данный момент последней из всех наших гражданских религий, душой бездушного мира (дается ссылка на работу 1989 года. – С. А.)»⁴⁹.

Ж.-Л. Аруэль использует данную квалификацию для того, чтобы обосновать непосредственную связь «религии прав человека и извращения права»⁵⁰. А последний параграф (до сих пор в кавычках приводились названия отдельных глав) его работы звучит как призыв к борьбе, но только не за право, как было, например, у Иеринга⁵¹, а – против права: «вдохновимся дискриминационной швейцарской моделью»⁵². Можно ли совместить сознательно вводимую дискриминацию – по какому бы то ни было признаку – и идею прав человека? Если «да», т. е. если идея прав человека должна уступить место каким-то новым цивилизационным вызовам, то сохранится ли тогда она сама по себе как таковая? Если нет, т. е. если права человека должны оставаться неприкосновенными и неизменными, тогда сможет ли сохраниться сама западная цивилизация вместе с входящей в нее идеей прав человека в недалеком уже будущем?

Возможно, что перед Россией стоит сегодня новая всемирно-историческая миссия, заключающаяся в том, чтобы дать отпор попыткам уничтожения идеи и практики прав человека в мире, поскольку это можно сделать лишь средствами, которыми обладают цивилизации, нацеленные на указанный идеал, но не успевшие пока воплотить его на практике в полной мере.

Вызовы современной западной цивилизации очень серьезны. Террористическая угроза может приобрести самые разные очертания и формы своего выражения – в том числе с применением ядерного оружия. Гипотетически эта ситуация обсуждается уже с 1982 г., когда была опубликована статья М. Левина «Основание для пыток»⁵³. Выстоят ли под этим напором строгие правовые гарантии и правила, вытекающие из современной концепции прав человека, или нет (как и она сама по себе в целом в таком случае)?

Рассмотрим одну метафору, которая как своего рода мысленный эксперимент позволит сосредоточить внимание на главных параметрах вопроса об устойчивости правовых правил и последствий их нарушения или сохранения (развивая построенную в 1982 г. дилемму М. Левина, но для других – чисто научных, прогностических – целей). Так, например, игра в шахматы тоже основана, как известно, на строгих правилах. Представим себе ситуацию, в которой одна сторона играет строго по правилам (например, Белые), а другая сторона, у которой, соответственно, черные фигуры, наносит контрагенту удар топором по голове. Кто окажется победителем в этом сражении, которое, как видно, резко выходит за рамки сложившихся традиций шахматной игры? Кажется, что ответ на данный вопрос не является чем-то неожиданным и сложным, более того, он является простым, очевидным и однозначным. Почему же тогда в мировой цивилизационной «игре», где для одной стороны почти что незыблемым правилом является строгое соблюдение прав человека и всего спектра обеспечивающих их гарантий и юридических средств, а для другой стороны все они являются лишь удобным условием (и признаются таким образом только на словах) для того, чтобы выждать удобный момент для нанесения летального удара контрагенту, строго соблюдающему правозащитные правила, ответ на подобный вопрос – о необходимости соблюдения

⁴⁹ См.: Бенуа А. По ту сторону прав человека. В защиту свобод : пер. с фр. – М. : Институт общегуманитарных исследований, 2015. – С. 9 и далее.

⁵⁰ Harouel J.-L. Op. cit. P. 75–97.

⁵¹ См.: Иеринг Р. Избранные труды : в 2 т. – Т. 1. – СПб. : Юридический центр, 2006. – 624 с.

⁵² Harouel J.-L. Op. cit. P. 129–133.

⁵³ Levin M. The Case for Torture // Newsweek. – 1982. – June 7. Из более новых проблематизаций назовем, например, кинофильм Грегора Джордана «Немыслимое» (*Unthinkable*, 2009).

правовых гарантий или отказа от них – есть нечто похожее на архаическое табу? До ответа часто и дело-то не доходит, так как даже сам по себе подобный вопрос исключается из публичной повестки, замалчивается, прячется, а иногда даже запрещается под страхом уголовной ответственности за экстремизм (со стороны правового государства), под страхом непосредственной расправы (со стороны фундаменталистов) и, наконец, под страхом осуждения за якобы дискриминационные высказывания и нарушение так называемой политкорректности и т. п. (со стороны во многом догматически воспитанного правозащитного западного сообщества). Ответ, состоящий в том, что эффективная борьба с терроризмом исключает полностью или частично правовые гарантии, конечно, страшен, он пугает (неблагоприятными последствиями для всех остальных) и потому прячется в самые невероятные интеллектуальные ухищрения о том, что не нужно-де рисовать мир в черно-белых красках, ибо всегда ведь имеется целый спектр сил и влияний, что, конечно, верно с одной стороны. Однако с другой стороны, хотя между указанными черно-белыми крайностями и располагаются самые разные силы и «цвета», но все они нисколько не угрожают существованию правозащитной идеи и западной цивилизации в целом. Крайности в ряде случаев не только упрощают ситуацию, но и позволяют абстрагироваться от второстепенных деталей, т. е. сосредоточиться на самом главном – на том, что в данный момент является жизненно насущной необходимостью для прогрессивного человечества, иначе потерявшему голову поздно будет по волосам плакать. Вот почему промежуточный спектр сил и влияний можно пока исключить из сущностного анализа, оставив его для другого, более пространный исследования.

И далее. Как только ответ для западного сообщества станет более ясным, и такая тенденция – на его прояснение – наметилась явно и особенно после терактов 2015 года и позже во Франции и в других европейских странах, то тогда будет поставлен следующий вопрос: каким образом можно противодействовать «игроку» с опасным оружием в руках, грубо нарушающему сложившиеся правовые традиции и установления? Никакого иного выбора здесь не существует – придется применять совсем иные средства, которые лежат далеко за рамками соответствующих правил (шахматных в случае нашей метафоры и юридических, когда мы говорим о социальных отношениях в целом). Но тогда в обоих случаях – и когда один только «игрок» нарушает правила самым вероломным образом, и когда их нарушают оба – столкновение не будет спортивным, и к шахматам оно не будет иметь никакого отношения, т. е. тогда, вернувшись от метафоры к реальной жизни, идея прав человека, реализуемая через строгие юридические правила и гарантии, будет страдать всегда и начнет постепенно разрушаться. В первом случае (пункт 1) западная цивилизация вместе с идеей прав человека будет вытеснена (и уничтожена) другими культурами – теми, которые не просто не испытывают пиетета к этой цивилизации и ее идеям, но, напротив, отвергают их самым агрессивно-воинствующим образом⁵⁴. Во втором случае (пункт 2) поставленная перед

⁵⁴ См.: Gabriel M. Islam et terrorisme. – P. : Ourania, 2006. – 256 p. ; Gabriel M. Jésus et Mahomet : profondes différences et surprenantes ressemblances. – P. : Ourania, 2009. – 320 p. ; Abdel-Samad H. Le fascisme islamique: Une analyse. – P. : Grasset, 2017. Последняя книга вышла первоначально на немецком и на данный момент переведена на несколько других языков, кроме русского; см., например, на английском языке: Abdel-Samad H. Islamic Fascism. – Amherst : Prometheus Books, 2016. – 255 p. Она должна была выйти во Франции еще в 2016 г., но издательство Piranha, подписавшее соответствующий договор с автором и осуществившее перевод книги на французский язык, отказалось в последний момент от ее публикации из-за страха за жизнь работников своего учреждения. Издательство Grasset, как видим, оказалось смелее и через год опубликовало эту книгу и во Франции тоже. См.: Censure par peur des musulmans: la traduction française du Fascisme islamique ne paraîtra pas. – URL: <http://resistancerepublicaine.eu/2016/08/04/censure-par-peur-des-musulmans-la-traduction-francaise-du-fascisme-islamique-ne-paraitra-pas/>

необходимостью применять для своей защиты внеправовые, военные, варварские, по сути своей, средства, т. е. отвергать сложившиеся гарантии прав человека, западная цивилизация должна будет добровольно и вполне сознательно перестать быть самой собой, что вряд ли возможно, так как культуры и цивилизации развиваются (и разрушаются), скорее, стихийно, чем сознательно и целенаправленно. Цивилизация скорее погибнет, чем будет действовать по правилам, которые она категорически отвергает (поэтому смотрите пункт первый данного абзаца).

Через несколько лет после уничтожения Всемирного торгового центра в Нью-Йорке (трагические события 11 сентября 2001 года) С. С. Алексеев отметил, что помимо внутренних трудностей развития права в России появились определенные риски и во всемирном масштабе. В работе «Тайна и сила права»⁵⁵, в полемических заметках «Крушение права»⁵⁶ он писал о том, что резкое социальное неравенство в мире приводит к нарастающему валу насилия в самых различных формах, включая терроризм, который в свою очередь становится особым фактором, оправдывающим встречные акты насилия и террора (также терроризмом называет действия западных стран в ответ на подобные акты террора и американский профессор Н. Хомский, о чем см. ниже). В итоге все человечество, а не только Россия теряет право – одну из главных своих ценностей, среди которых права человека составляют, безусловно, системообразующий центр⁵⁷. Указанные констатации классика российской правовой науки являются точными и чрезвычайно своевременными.

Различные вызовы и проблемы, демонстрирующие глубокий кризис западной традиции права и в особенности правозащитной его составляющей, имеют самые непосредственные и крайне неблагоприятные последствия для развития правовой культуры в России, для правовой ее модернизации в целом. Западные страны в результате их стремления установить после распада СССР однополюсный мир с наглым и циничным диктатом США систематически, а порой и в массовых масштабах практикуют самые различные нарушения прав человека: ими – главным образом США и несколькими его наиболее близкими союзниками – установлен практически тотальный контроль за пользователями Интернета по всему миру⁵⁸, без законодательных и судебных оснований фиксируются метаданные телефонных разговоров, созданы так называемые «черные списки» Совета Безопасности ООН, и попавшие в них лица лишаются целого спектра прав и гарантий (заметим, что данный механизм был создан по инициативе США, но с согласия России как члена Совета Безопасности, обладающего правом вето), имеют место серьезные правоограничения и – что гораздо более опасно – пытки и даже убийства⁵⁹ лиц, подозреваемых в терроризме, с одной стороны, и разнообразная по-

⁵⁵ Алексеев С. С. Тайна и сила права. Наука права: новые подходы и идеи. Право в жизни и судьбе людей. – 2-е изд. – М. : Норма, 2009. – С. 117–124.

⁵⁶ Алексеев С. С. Крушение права. Полемические заметки. – Екатеринбург : Ин-т частного права, 2009. – С. 10–11, 16–17.

⁵⁷ Алексеев С. С. Крушение права ... С. 16–17.

⁵⁸ Гринвальд Г. Негде спрятаться. Эдвард Сноуден и зоркий глаз Дядюшки Сэма. – СПб. : Питер, 2015. – 320 с. ; Хардинг Л. Досье Сноудена. История самого разыскиваемого человека в мире. – М. : Центрполиграф, 2014. – 320 с.

⁵⁹ Хотя эта внеюридическая деятельность осуществляется тайно, но иногда она прорывает завесу секретности ввиду, видимо, ее большой распространенности и привычности для спецслужб и глав государств разных стран. Примеров тому немало. Одно из последних «открытий» – это признание на тот момент Президента Франции Ф. Олланда в том, что французские спецслужбы осуществляют внесудебные операции по физическому устранению лиц, подозреваемых в терроризме (в секретном списке было примерно 40 человек). «Новость» вызвала резкое осуждение со стороны оппозиции, но главным образом не потому, что это делается неправовыми средствами, а потому, что были раскрыты важные государственные секреты. Попытка оппозиции начать процедуру импичмента почти мгновенно и прекратилась, так как всем стало понятно, что движение в данном

мощь террористическим группировкам, т. е. соучастие в совершаемых ими преступлениях – с другой стороны и т. д.⁶⁰

В последнем случае нужно прямо указать, что Запад сам именно и создает, возвращает и оплачивает разномастных террористов для решения своих геополитических задач, наивно полагая, что они-то – дирижеры, финансисты и провокаторы, находящиеся там, «за океаном», или «здесь», в Западной Европе, но, как им кажется, далеко от эпицентра создаваемых ими мировых кровавых конфликтов – недостижимы (якобы) для ответных террористических действий. Так, именно США с помощью своих союзников по НАТО создали ИГИЛ⁶¹, и поэтому общим местом даже в самой западной прессе и политологической литературе стало сегодня указание на то, что возникновение этого исламистского монстра является результатом⁶² вторжения в Ирак в 2003 году США и других стран Североатлантического альянса «под ложными предложениями»⁶³ и без каких бы то ни было правовых оснований со стороны ООН.

Таким образом, важнейшая причина образования ИГИЛ и распространение исламского терроризма в мире в небывалых ранее масштабах – это агрессивная внеправовая политика США и его союзников по НАТО⁶⁴ – исторических лидеров в области защиты прав и свобод человека. Администрация США систематически предпринимает такие действия – разумеется, под самыми разными надуманными и внешне благовидными предложениями, – которые на самом деле ведут лишь к усилению и сохранению ИГИЛ: например, военные действия против вооруженных сил Сирии, которые воюют с ИГИЛ (и часто почти по одной и той же схеме: всего лишь через несколько дней или даже часов после различных жесточайших и массовых акций против мирного населения, непонятно кем предпринятых, когда еще

направлении нанесет еще больше вреда национальной безопасности Франции (и ее союзников по Североатлантическому блоку), и потому политическому истеблишменту пришлось быстро «включить» механизм «забвения»: хор экзальтированного возмущения смолк в одночасье. См., например: *Terrorisme : Hollande aurait ordonné l'assassinat ciblé d'une quarantaine de djihadistes* [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lci.fr/france/terrorisme-hollande-auroit-ordonne-l-assassinat-cible-d-une-quarantaine-de-djihadiste-2020156.html> ; *François Hollande et «le permis de tuer»* [Электронный ресурс]. – URL: http://www.lemonde.fr/police-justice/article/2017/01/04/francois-hollande-et-le-permis-de-tuer_5057277_1653578.html

⁶⁰ См.: Izambert J.-L. 56. – Т. 1 : L'État français complice de groupes criminels. – P. : IS Edition, 2016. – 386 p.

⁶¹ Исламское государство Ирака и Леванта – запрещенная в РФ террористическая группировка, которая объявила о создании халифата на оккупированных ею (частично) территориях Ирака и Сирии (здесь и далее ИГИЛ).

⁶² См.: Boniface P. La géopolitique. – P. : Eyrolles, 2016. – P. 86 ; *Origine, nombre, financement... L'Etat islamique en cinq questions // Le Monde.* – 15.09.2014.

⁶³ Guidère M. Atlas du terrorisme islamiste: D'Al-Qaida à l'Etat islamique. – P. : Autrement, 2017. – P. 88.

⁶⁴ См., например: Erik Prince: Obama and Clinton Are Complicit in Creating ISIS [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.breitbart.com/national-security/2016/06/16/erik-prince-obama-clinton-complicit-creating-isis/>, а также: *Paris pourrait équiper les rebelles syriens // Le Figaro.* – 15.06.2012 ; *Comment et pourquoi la France a livré des armes aux rebelles en Syrie / Par B. Barthe, C. Bensimon et Y.-M. Riols // Le Monde.fr.* – 21.08.2014. – URL: http://www.lemonde.fr/proche-orient/article/2014/08/21/comment-paris-a-livre-des-armes-aux-rebelles-syriens_4475027_3218.html ; «бумажный» текст в газете был опубликован под названием: *Comment la France s'est décidée à fournir des armes aux rebelles syriens. Des mitrailleuses et des lance-roquettes figurent dans les livraisons qui ont débuté en 2013 // Le Monde.* – 23.08.2014. – P. 4. В ряде публикаций называется более ранняя, чем 2013 год, дата начала продажи оружия сирийским повстанцам. При этом делается очень странная оговорка, что в Сирии много разных группировок, но французы продавали оружие только «хорошим», а одной – очень плохой – нет. Такое деление – наивно, опасно и нелогично, ибо, по существу, невозможно делить террористов на «хороших» и «плохих» просто потому, что они все равно остаются террористами, даже если «хорошие» направляют оружие против недругов тех, кто их называет «хорошими». В таком случае те, кто выделяет «хороших» террористов, становятся их пособниками.

совершенно невозможно установить, кто виновен в этих преступлениях против человечества, чем и пользуется ИГИЛ в тяжелые для себя моменты и т. д.), угроза введения санкций против Ирана⁶⁵, который также воюет с ИГИЛ, и т. д., и т. п.

Если взглянуть на некоторые процессы, которые имели место чуть ранее, то и сама Аль-Каида финансировалась США, формировалась и укреплялась при непосредственном участии их североатлантических друзей (именно поэтому, захватив Усаму бен Ладена в плен и имея все возможности доставить его в США для проведения открытого судебного процесса, руководство США предпочло уничтожить его без суда и следствия, явно не желая услышать откровения своего бывшего друга и союзника). Запад наивно полагал, что Аль-Каида и другие поддерживаемые и финансируемые ими террористические группы в Ливии, Сирии (так называемые, по западной терминологии, «умеренные» группировки, а на деле – филиалы ИГИЛ в Сирии и Ираке) и в других странах будут послушным орудием в их руках: ранее – против СССР (который по просьбе законного правительства Афганистана ввел свои войска в эту страну, что, конечно, было серьезной ошибкой действовавшего тогда коммунистического режима), а теперь – против любых стран, которые не соглашались с грубым диктатом США и его стремлением обеспечить себе абсолютное господство в мире для реализации своих экономических и прочих интересов. США и другие члены НАТО, их арабские союзники (очевидно, что с разрешения и одобрения властями США) финансировали и поддерживали (продолжают это делать и сегодня) иным образом отдельные формирования ИГИЛ и другие террористические группы для защиты их геополитических интересов на Ближнем Востоке, в Северной Африке и в других регионах мира⁶⁶, а также закрывают глаза на политику одного из членов НАТО – Турции, которая активно сотрудничает с ИГИЛ для уничтожения собственного населения курдской национальности и т. д.

Невозможно оправдывать теракты абсолютно никакими основаниями, но нельзя отрицать и того очевидного факта, что одной из множества причин широко распространившихся в XXI веке терактов стала самозащита арабско-исламского мира от циничной военной агрессии, т. е., по сути, от терроризма же, но только терроризма государственного, который практикуют США и страны Запада в указанных регионах. Так, известный американский интеллектуал – «совесть Запада» – профессор Массачусетского технологического института Ноам Хомский давно уже называет западную политику террористической⁶⁷. В другой своей работе этот автор пишет: «... главное в мире государство-преступник – это США, которые целиком игнорируют международное право и нисколько этого не скрывают»⁶⁸. Массовый наплыв мигрантов в Европу в последние годы – прямой результат такой преступной политики. И далее – заколдованный круг: в ответ на теракты в

⁶⁵ Так, Британская вещательная корпорация (Би-би-си) сообщила, что Трамп угрожает сорвать ядерную сделку с Ираном, которая, тем не менее, устраивает все другие страны (в том числе и ближайших союзников США), участвующие в соответствующем многостороннем международном договоре. Причина такой угрозы – в оказываемой (якобы или на самом деле, точно не известно) Тегераном финансовой поддержке террористов. Трамп угрожает внести в список террористических организаций «Корпус стражей исламской революции», формирования которого «участвуют в военных действиях в Сирии и Ираке против ИГ», – отмечает Би-би-си. См.: Ядерная сделка с Ираном: мировые лидеры против Трампа [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bbc.com/russian/features-41623467>

⁶⁶ Автор «Атласа исламистского терроризма. От Аль-Каиды до Даиш» пишет, что начиная с 80-х гг. террористические группировки «развивались и вооружались с согласия мощных западных держав». См.: Guidère M. Op. cit. P. 88.

⁶⁷ См.: Chomsky N., Vltchek A. L'Occident terroriste – D'Hiroshima à la guerre des drones. – P. : Ecosociété, 2015. – 174 p. (на английском языке книга опубликована еще в 2013 г.).

⁶⁸ Хомский Н. Будет так, как скажем мы! Рассуждения о роли США в меняющемся мире : пер. с англ. – М., 2013. – С. 7.

Европе и США Запад ограничивает, а кое в каких сферах уничтожает полностью права человека в своих и с особенной легкостью в других странах, попирая тем самым основы правового государства и демократического общества.

Одним из весьма оригинальных вызовов идеи прав человека в мире и, как следствие, подобных же сложностей для правовой модернизации России, ориентирующейся на эту идею, является политика использования прав человека для борьбы... с правами человека же, а именно: когда эти правовые идеи наполняются другим культурным содержанием и в итоге искажается и уничтожается их смысл, т. е. они начинают нарушаться в отношении отдельных слоев населения, что оправдывается ссылками на иные – более важные ценности (мультикультурализм, свобода вероисповедания и т. п.). Сегодня на Западе представители ряда иных культур активно используют правозащитную аргументацию вразрез с целью и смыслом этой защиты (исходя из того, что данные представители хотят в итоге получить): например, паранджа (или никаб) для женщин, закрывающая их тело и лицо (кроме глаз), нужна исламистам, оказывается, не для того, чтобы открыто демонстрировать униженное и подчиненное положение женщин в исламской культуре фундаменталистской ее ориентации, а для того – и кто бы это мог подумать, – чтобы бороться за права женщин на индивидуальность и за свободу женского самовыражения. К сожалению, западный обыватель проглатывает эти лицемерные аргументы на полном серьезе и с превеликим энтузиазмом вступает в ряды протестующих против принятия законодательства, запрещающего ношение паранджи (никаба) на территории западноевропейских государств. Таким образом западные обыватели во главе с левой интеллигенцией встают, на самом деле, в ряды исламистов, для того чтобы последние могли и далее подвергать женщин всевозможной дискриминации и унижению, а по сути – в ряды тех, кто уничтожает их собственную (западную) правовую культуру. Обмануть простых граждан, как видим, легко, особенно когда отдельные, экстремистски настроенные представители иных культурных и правовых традиций умело эксплуатируют самые благие и добрые их побуждения, но не совсем понятно, почему высшие судебные инстанции, состоящие из весьма квалифицированных юристов, встают на защиту подобной псевдоправозащитной демагогии (имеются в виду решения Госсювета Франции в 2016 году об отмене постановлений мэров ряда городов на юге Франции, которые запрещали появление женщин на пляже в буркини⁶⁹). В любом случае перспективы дальнейшего развития прав человека в Европе заключаются в том, что они рискуют быть уничтоженными постепенно, но неотвратимо другими цивилизационными моделями правовой культуры, которые не включают в себя уважение к правам человека в их западноевропейской интерпретации.

Еще один вызов западной правовой культуре, правам человека и, как следствие, правовой модернизации России мы видим тогда, когда законодательство и правовые процедуры используются действующей государственной властью как средство для расправы с неудобными политическими оппонентами. Особенно хорошо это становится заметно во время президентских кампаний, когда ставки на крупное обогащение узких правящих элит в итоге победы их разных конфигураций на выборах сверхвысоки. Примером могут служить кампании в США (юридические обвинения и преследования претендентов во время кампании и даже накануне голосования), во Франции (дела Д. Стросс-Кана перед выборами 2012 г., Ф. Фийона и М. Ле Пэн в 2017-м), да и в России, кстати, тоже (например, так называемое дело Алексея Навального, которое признано Европейским судом по правам человека политически сфабрикованным, если называть вещи своими име-

⁶⁹ См.: L'arrêt anti-burkini: «une atteinte grave aux libertés fondamentales» // Liberation. – 2016. – 26 août; дискуссия по вопросу см.: Kaufmann J-C. Burkini. Autopsie d'un fait divers. – P. : Liens qui libèrent, 2017. – 200 p.

нами, а если использовать строгую юридическую терминологию, то произвольным и необоснованным: ЕСПЧ пришел к выводу, что в данном деле Россия нарушила ст. 6 (право на справедливый суд) и 7 (наказание исключительно на основании закона) Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод). С другой стороны, мы видим отказ под самыми надуманными и странными предлогами от расследования действий, по предположению преступных, если они совершены представителями правящей политической элиты. Например, незаконные предвыборные махинации в лагере демократов США в пользу Х. Клинтон не обсуждают по существу потому-де, что информация поступила из «русских источников» (на самом деле, была опубликована WikiLeaks). И как зеркальное отражение этих «аргументов» мы видим, что в России фильм Фонда борьбы с коррупцией А. Навального «Чайка», рассказывающий о сотрудничестве (реальном или мнимом – это неизвестно: именно эти факты и надо было бы подтвердить либо опровергнуть, т. е. провести тщательное расследование) руководства Генеральной прокуратуры РФ с организованными преступными группировками, осуждается потому, что снят он на западные (и еще хуже – американские?!) деньги; якобы или на самом деле на западные деньги – не так это уж и важно, ибо какое это имеет значение для оценки фактов, которые в нем обсуждаются?

Наконец, еще один вызов западной правовой культуре и, как следствие, негативный удар по нашей правовой модернизации состоит в том, что права человека защищаются на Западе иногда с таким перехлестом, что нарушаются права иных лиц и общества в целом. Предлагаю использовать в таком случае термин «правозащитный экстремизм». Одним из примеров последнего может быть названа гипертрофированная защита прав гомосексуалистов. Отметим, справедливости ради и для уточнения того, что подразумевается под указанным выше термином (который следует использовать и в других разного рода крайностях, а не только для отдельных подобного рода проявлений данной ситуации), что права указанной категории лиц нарушаются, к сожалению, повсеместно – как на Западе, так и на Востоке, – и в ряде стран (в том числе в России) вплоть до посягательства на фундаментальное право этих людей – на их жизнь. Понятно, что в данной связи необходимо уделять особое внимание защите прав и свобод указанной категории населения, но принятие во множестве западных стран законодательства, разрешающего гомосексуальный брак, – это яркий пример правозащитного экстремизма, который не просто искажает, но уродует и извращает традиционные социальные институты, к каковым относится институт семьи.

Более того, эти новые западные подходы навязываются всему остальному обществу насильственно, что является еще одним примером правозащитного экстремизма. Так, на агентства по подбору приемных родителей при римской католической церкви в Англии и Уэльсе приходится до 32 % от общего числа усыновлений, проходящих через общественные организации. Обращения от гомосексуальных пар, желающих взять на воспитание приемного ребенка, они обычно передавали нецерковным агентствам, т. е. имели право отказать таким парам в помощи, ссылаясь на несовместимость однополых браков с учением церкви о семье и браке. Однако 10 лет назад представители премьера-лейбориста отметили, что это резко противоречит закону о недискриминации и поэтому «католическим агентствам дадут время, чтобы приспособиться или закрыться, но принципиально никаких исключений для них не будет»⁷⁰. Таким образом, указанные

⁷⁰ См.: Британские католики грозят закрыться из-за геев [Электронный ресурс]. – URL: http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/uk/newsid_6298000/6298437.stm. Противоречие между требованием уважения прав гомосексуальных пар и религиозной свободой обсуждал и Верховный Суд США в деле *Masterpiece Cakeshop v. Colorado Civil Rights Commission*, No. 16–111. См.: Liptakdec A. *Justices Sharply Divided in Gay Rights Case* // *The New York Times*. – 5.12.2017.

(общественные, а не государственные) агентства не смогут помогать традиционным парам, каковых насчитывается более 97–98 % (статистика насчитывает примерно 2–3 % людей с гомосексуальным поведением, а тех, кто среди них создает пары и хочет усыновить детей, еще меньше). В данном случае одни убеждения и предпочтения (гомосексуальные) были поставлены властями над другими – над религиозными убеждениями и предпочтениями. Хотя и первые (проблемы убеждения или биологические основания гомосексуальности), и вторые (проблемы доказательства бытия Бога) не получили пока бесспорной научной доказательственной базы: нет ни однозначного подтверждения, ни очевидного опровержения взглядов сторонников и противников тех и других. Напротив, недавние научные медицинские исследования показали, что гомосексуальная ориентация не является психическим отклонением или каким-то иным заболеванием, следовательно, это – свободный личностный выбор каждого человека, который, разумеется, должен уважаться окружающими. Почему же тогда религиозный выбор не подлежит подобному же уважению и не защищается с таким же рвением, как некоторые другие права и свободы?

Не меньшее давление оказывают европейские институты и на Россию. Например, Европейский суд по правам человека, рассматривая дела против РФ, не всегда вникает в юридическую суть дела. К счастью, такие неудачные и неправовые по сути своей решения он принимает крайне редко, и поэтому в целом его деятельность оказывает весьма и весьма положительное влияние на российскую правовую культуру. Что касается не совсем удачных и, повторю, весьма редких примеров, то можно сослаться на некоторые способы аргументации его позиций в Постановлении от 20.06.2017 г. по делу «Баев и другие против России»⁷¹, в котором рассматриваются жалобы заявителей на то, что законодательный запрет на «пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних» нарушает их права на свободу выражения мнения и является дискриминационной мерой. Суд признал, что Россией допущено нарушение требований ст. 10 и 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Не совсем уместен был бы сейчас подробный анализ указанного постановления, но самые важные моменты, касающиеся проблематики данной статьи, отметим. Суд сослался на свою правовую позицию, высказанную им в Постановлении от 21.10.2010 «Дело “Алексеев (Alekseyev) против Российской Федерации” (жалобы № 4916/07, 25924/08 и 14599/09)»⁷², в которой он утверждал, что «в распоряжении Европейского Суда отсутствуют научные доказательства и социологическая информация, подтверждающие, что обычное упоминание о гомосексуальности или открытая общественная дискуссия о социальном статусе сексуальных меньшинств окажет негативное воздействие на детей»⁷³. <...> Наоборот, только с помощью справедливой и общественной дискуссии общество может обратиться к таким сложным вопросам, которые были подняты в данном деле. Такая дискуссия, подкрепленная академическими исследованиями, положительно отразилась бы на взаимодействии внутри общества в результате обеспечения гарантий того, что представители всех точек зрения, в том числе и конкретные личности, будут выслушаны. В то же время она бы прояснила несколько вопросов, вызывающих всеобщее непонимание, таких как, например, может ли человек быть воспитан как

⁷¹ Информация о Постановлении ЕСПЧ от 20.06.2017 по делу «Баев и другие против Российской Федерации» (жалобы № 67667/09, 44092/12 и 56717/12) см.: Bayev and Others v. Russia. – URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{"itemid":\["001-174422"\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{)

⁷² См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2011. – № 11.

⁷³ Вместо многоточия в данной цитате в тексте Постановления стоят слова «или “ранимых взрослых”», которые к данному делу не относятся и по поводу которых следует полностью согласиться с позицией ЕСПЧ в его решении 2010 года, хотя и по иным основаниям (не по основаниям отсутствия научных данных).

гомосексуалист, склонен к гомосексуальности или переманен из нее или может ли он добровольно выбрать ее или отказаться от нее. Именно подобную дискуссию пытался инициировать в настоящем деле заявитель, однако она не могла быть заменена спонтанными мнениями чиновников, которые последние считали популярными. Учитывая обстоятельства данного дела, Европейский Суд не может не сделать вывод о том, что решение соответствующих властей о запрете рассматриваемых событий не было основано на приемлемой оценке значимых для дела фактических обстоятельств».

Сводя к краткому существу указанную аргументацию ЕСПЧ, можно зафиксировать, что если у него нет научных данных о причиняемом детям вреде (Суд, по сути, дважды указывает на необходимость научных, академических исследований), то, следовательно, нет и противоположных данных, т. е. нет доказательств, что вред детям не причиняется, чего Суд явно не желает признавать, как требовала бы того простая логика рассуждений⁷⁴. Последняя у него не может быть иная, если он желает оставаться в рамках непротиворечивых и обоснованных высказываний, как и в случае, например, с логически равноценным утверждением «нет доказательств бытия Бога, но нет и доказательств обратного, т. е. Его отсутствия». В последнем случае ответ очевиден и исторически цивилизованным человечеством выстрадан, поэтому общество оставляет на индивидуальное усмотрение каждого решение данной проблемы (пока не будут найдены неоспоримые научные доказательства той или иной позиции), не допуская дискриминации лиц, имеющих разные подходы к данному вопросу. В данном же деле отсутствие научных данных касается предполагаемого вреда детям, которого может, конечно, и не быть, если таковы будут результаты академических исследований, но, возможно, что он и имеется (из презумпции чего и исходит российский законодатель). Однако Суд, не имея необходимых научных данных и в противоположность логическим, т. е. непротиворечивым умозаключениям (например, что коль скоро до сих пор нет научных данных, то надо бы проявлять максимальную сдержанность при навязывании кому-то одного из двух противоположных мнений), все-таки явно придерживается подхода, который кажется ему более убедительным, т. е. получается, что он «верит» в то, что вред оказан быть не может (зачем тогда неоднократно его призывы к академическим исследованиям данного вопроса?!) и навязывает эту свою «веру» другим. Убеждение Суда – не логичное, не рациональное, а следовательно, базируется на эмоциях и «вере» в правильные решения (по типу: «есть мое мнение и мнение неправильное»), которое в юридической аргументации неприемлемо.

И второе положение в цитируемой выше правовой позиции Суда – это его призыв к справедливой общественной дискуссии по вопросам гомосексуализма: если в деле «Алексеев против России» он вполне обоснован, важен, своевременен, и поэтому в целом с подходами ЕСПЧ невозможно не согласиться (кроме того Суд, анализируя имеющиеся в РФ ситуацию дискриминации геев, базирует свои выводы и на иных серьезных юридических аргументах), то в данном деле указанный призыв неуместен и весьма странен по следующим основаниям. Первое: какая может быть дискуссия между взрослыми и несовершеннолетними (заявители ведь выставляли плакаты не возле законодательных и прочих государственных органов, а возле детских учреждений)? Необходимость же дискуссии во «взрослом» публичном пространстве как таковую, о чем говорит ЕСПЧ, разумеется,

⁷⁴ Современная наука работает в указанном направлении очень активно и напряженно. Серьезный анализ около четырех десятков в основном англоязычных источников, в том числе и по вопросу о некоторых психологических причинах гомофобии, дается, например, в главе «Пропаганда делает вашего сына геем!» А. Казанцевой. См.: Казанцева А. В Интернете кто-то не прав. Научные исследования спорных вопросов. – М.: АСТ: CORPUS, 2016 – С. 266–292.

следует признать. Второе: ссылка суда на необходимость публичной дискуссии показывает, что ЕСПЧ в данном деле не учитывает (и выходит за) предмет спора и основания, по которым российский законодатель не соглашается с заявителями – это защита интересов детей от предполагаемого российским законодателем вреда от неконтролируемого распространения информации о гомосексуализме среди детей, а не вопрос о праве на выражение своего мнения. Суд в данном деле занял, как мне кажется, не профессиональную, не юридическую, а во многом бытовую позицию среднего европейца: коль скоро в России есть дискриминация гей-сообщества (к сожалению, это абсолютно обоснованная констатация), то Суд не будет рассматривать никакие юридические аргументы российского законодателя (что не может не вызвать глубокого сожаления, так как делает позицию ЕСПЧ необоснованной и неубедительной), а будет признавать априори (без каких бы то ни было доказательств и серьезных обсуждений) все российские государственные решения, устанавливающие правовой режим распространения среди несовершеннолетних гей-информации в качестве исходящих исключительно из одного-единственного их желания дискриминировать геев, а не из их стремления предотвратить предполагаемый законодателями вред воспитанию детей от неконтролируемого родителями, педагогами и психологами распространения среди них указанной информации. Даже если в последнем случае у Суда нет никаких необходимых – о чем он сам прямо и говорит – научных данных, чтобы опровергнуть или хотя бы поставить под разумное сомнение презумпцию вреда, из которой исходит российский законодатель и Конституционный Суд РФ в своем, например, Постановлении от 23.09.2014 № 24-П тоже⁷⁵.

Сегодня мы видим, что в западных странах появляются постепенно многочисленные и разнообразные ограничения некоторых базовых западных же ценностей и свобод – прежде всего свободы слова и мысли⁷⁶. Причем на Западе это делается часто весьма утонченными методами (в отличие от России, например, где это делается более грубо): например, вводится табу на обсуждение неприятных тем – это так называемая политкорректность, либо устанавливаются уголовные санкции за те или иные спорные утверждения. Все это проистекает из уверенности в неутомимой истинности западных представлений по любым вопросам и влечет в итоге их грубое навязывание (что является еще одним проявлением правозащитного экстремизма) всему остальному миру как единственно правильных и верных, что сильно напоминает тоталитарное единомыслие в СССР⁷⁷. Причем не всегда до конца ясно, делает ли это правящая элита Запада с полностью осознанным цинизмом или всего лишь с искренней и наивной убежденностью в собственной правоте⁷⁸.

⁷⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П «По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 6.21 Кодекса РФ об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова» // Официальный интернет-портал правовой информации. – 25.09.2014. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> ; Российская газета. – 03.10.2014 (№ 226).

⁷⁶ Подробнее см.: Семитко А. П. Французская кухня и политкорректность: может ли благотворительность нарушать права человека? // Российский юридический журнал. – 2007. – № 4. – С. 7–19.

⁷⁷ Так, политику навязывания Западом своих позиций всему обществу, как и остальному миру (и соответствующая пропаганда внутри и вне государств этого ареала) называли сначала «мягкой силой», а сегодня уже пишут про «триумф мягкого тоталитаризма»: Polony N. et Comité Orwell. *Bienvenue dans le pire des monde – le triomphe du soft totalitarisme.* – P. : Plon, 2016. – 215 p.

⁷⁸ Так, например, администрация Макрона выражает безусловную поддержку режиму египетского президента Сисси, который с 2015 г. закупил у Франции вооружения более чем на 6 миллиардов евро и страна которого, по оценкам авторитетных правозащитных организаций, превратилась в «могилу» прав человека: десятки тысяч арестованных всех политических спектров; привнесение в исполнение смертных приговоров; внесудебные казни и насильственные исчезновения

Должен заметить, что критика некоторых аспектов западной правовой и иной политики в данной статье не означает, что ситуация с правами человека в России находится на высоком или вообще каком-то достаточно приличном уровне. Напротив, мы пока далеко отстаем от Запада в области защиты прав и свобод человека. Однако теперь у нас из-под ног выбито серьезное основание, уничтожен тот прекрасный образец, на который мы ранее могли в полной мере ориентироваться. Привычный для России «догоняющий» режим модернизации в большинстве сфер (в экономике, цифровых и прочих технологиях, в сбережении и умножении человеческого капитала и т. д.) в ситуации с правовым развитием наталкивается на серьезный кризис западной традиции права и его правозащитной политики. Вместо обычной для нас в большинстве сфер догоняющей модернизации в правовой сфере, мы должны сегодня ориентироваться не на «передовые» западные образцы, а, скорее, на идеалы «вчерашнего дня» – т. е. на идеалы эпохи Просвещения и их последующего практического воплощения в сфере защиты прав и свобод человека, уважения его достоинства и иных правовых ценностей вплоть до периода полувековой или чуть большей давности. Безусловно, что кроме западно-ориентированных идеалов мы должны также искать источники и цели правовой модернизации в своих собственных правовых потребностях и своей культуре, тем более что они не могут отличаться существенно от классических западных стандартов. Последние развивались последовательно и воплощались в той или иной степени на практике до второй трети прошлого века, но особенно активно в период после Второй мировой войны, когда содрогнувшийся от ужасов фашистских преступлений против человечества Запад обратился к теории возрожденного естественного права и идея прав человека получила новое дыхание в принятых тогда документах – таких, как Устав ООН (в преамбуле которого был закреплен призыв «утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности»), Всеобщая декларация прав человека 1948 года, Международный пакт о гражданских и политических правах, Первый и Второй факультативный протокол к нему, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года и многие другие важные правозащитные международные и региональные документы. В итоге получается уникальная, но уже не строго «догоняющая» правовая модернизация, ибо нам приходится ориентироваться далеко не на все передовые образцы современной правовой защиты, а в большей степени на их – этих образцов – «вчерашний день», поскольку эпоха господства права и прав человека как высшей социальной ценности и вытекающий из этого постоянный прогресс в право-

(1 700 с 2015 г.); с конца сентября до 24 октября 2017 г. в Египте арестовано 57 гомосексуалистов; Комитет против пыток ООН отмечает, что египетские силы безопасности систематически применяют пытки и т. д., и т. п., что напоминает правозащитникам Чили времен Пиночета. На словах Франция выражает озабоченность по поводу ситуации с правами человека в Египте, за развитием которой она следит «с особым вниманием» (см.: *Le cri d'alarme des ONG avant la visite de Sissi a Paris // Le Monde*. 24.10.2017). После встречи с Сисси Макрон, отвечая на вопросы правозащитников, указал, что не собирается давать уроки президенту другой страны, как ему следует управлять своим государством, ибо уважает суверенитет последнего (*Droits de l'homme: Macron ne veut "pas donner de leçons" à Sissi // Le Point.fr*. 25.10.2017. URL: http://www.lepoint.fr/politique/droits-de-l-homme-macron-ne-veut-pas-donner-de-lecons-a-sissi-24-10-2017-2167015_20.php). Почему же? Потому, что Египет является «стратегическим партнером» Франции, связи которых «имеют исторический характер», и их надо развивать далее и т. д. – все это и было отмечено в опубликованной на сайте Елисейского дворца совместной с Сисси декларации, где отсутствует теперь даже и на словах какая-либо озабоченность Франции по поводу ситуации с правами человека в Египте. См.: *Déclaration conjointe du Président de la République, M. Emmanuel Macron, et de M. Abdel-Fattah AL-SISSI, Président de la République arabe d'Égypte*. – URL: <http://www.elysee.fr/declarations/article/declaration-conjointe-du-president-de-la-republique-emmanuel-macron-et-de-fattah-al-sissi-president-de-la-republique-arabe-d-egypte/>

защитной политике Запада закончился, по-видимому, вместе с крахом коммунизма и концом борьбы разных идеологий (Ф. Фукуяма⁷⁹), когда Запад почувствовал себя победителем, не желающим идти на какие бы то ни было компромиссы с проигравшей стороной (последнее и есть, кстати, одно из важнейших оснований новой холодной войны между Западом и Россией⁸⁰).

Причины кризиса западной традиции права нужно искать, разумеется, не в этом событии (не в крахе коммунизма), но оно развязало руки экономической и по ее заказу политической элите Запада, сделало их поведение, нацеленное на обогащение и доминирование в мире, более циничным и грубым. Вряд ли нам нужно замалчивать подобные действия западных правительств, более того, нужно информировать наше общество об этом постоянно, но, главное, более разумно, чем это делают обычно (крайне примитивно) наши СМИ, не утруждая себя лишними аргументами и фактами, которых более чем достаточно. Однако даже одно только информирование нашего населения о многочисленных нарушениях Западом норм и принципов международного права, о проведении им политики двойных (тройных и более) стандартов, о его лицемерии и нарушении им принципов правовой защиты в самих этих странах, но особенно в странах незападных – по отношению к их гражданам, в том числе в ходе привычных уже для Запада дискриминационных мер, так называемых санкций и прочего антиправового давления на правительства, а реально на ни в чем не повинное население тех государств, политика руководства которых не нравится современному мировому лидеру, каковым являются США и т. д., – все это явно не способствует укреплению авторитета правозащитных идей и ценностей самих по себе, но и в особенности как идей, пришедших к нам с Запада. Его глашатаи действуют сегодня, к сожалению, все чаще и чаще по таким правилам, когда свои собственные интересы оказываются в качестве единственного критерия для оценок «хорошего» и «плохого», «правомерного» и «неправомерного», и получается в итоге как в междусобойчике единомышленников и друзей, которым нет дела до права и закона, как и до всех остальных в мире, когда они «награждают непричастных (премия мира за 2009 год только что избранному Президенту США Б. Обаме) и наказывают невиновных (население попавших под санкции государств)».

Вместо восприятия здоровых передовых западных правозащитных образцов, которые там, к счастью, остались еще в немалом количестве и которые по-прежнему необходимы нам для развития российской правовой культуры, нам приходится «обороняться» от некоторых преувеличений и даже эксцессов западного правозащитного экстремизма. Одним из таких вынужденных, и причем весьма квалифицированных во всех отношениях «оборонительных» действий, является Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 1 Федерального закона “О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней”...»⁸¹. Конкретизацией заложенного в данном решении принципа явилось логично последовавшее за ним Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу “Анчугов и Гладков про-

⁷⁹ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 134–148.

⁸⁰ См.: *Russie: vers une nouvelle guerre froide? Sous la direction de Jean-Robert Raviot.* – P. : La Documentation française, 2016. – 184 p.

⁸¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П // Официальный интернет-портал правовой информации. – 17.07.2015. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> ; Российская газета. – 27.07.2015 (№ 163).

тив России” в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации»⁸². При всей позитивности, глубокой обоснованности и основательности подходов, высказанных Конституционным Судом РФ в указанных решениях, они оказываются, тем не менее, обоюдоострыми, так как могут быть обращены не только против эксцессов западной правовой культуры (каковым в данном случае является одержимо-фанатичное требование Европейского суда по правам человека о введении голосования для лиц, отбывающих по приговору суда наказание в местах лишения свободы), но и против вполне прогрессивных, а главное, жизненно необходимых для нас правозащитных идеалов, принципов и процедур. Замечу еще, что на фоне имеющихся в пространстве Совета Европы, в том числе и в особенности в России, иных, гораздо более серьезных нарушений прав человека, это требование (о введении голосования для заключенных) – в такой его безапелляционной форме – кажется совершенно неадекватным, неуместным, гипертрофированным, и поэтому является еще одним выразительным примером западного правозащитного экстремизма (что требует еще подробного рассмотрения и дополнительного обоснования в отдельной статье).

Получается, что Россия попала сегодня в историческую ловушку, когда правозащитные идеалы, которые по известным причинам не сформировались достаточно образом в ее правовой культуре в XX веке, начинают (а у нас продолжают) нарушаться и (или) искажаться также и в странах, являющихся долгое время бесспорными лидерами в области защиты права и свобод человека. Надеюсь, что страны Запада сами разберутся со своими правозащитными и иными проблемами: это – не наше дело. Однако для нас их правовой кризис оборачивается тем, что дискредитируются правозащитные идеалы и образцы в целом. Где тогда искать нам опору для проведения правовой модернизации России? Наша история не очень богата на правовые идеалы, а большевистско-коммунистический режим лишь многократно усилил российский правовой нигилизм. Основу для борьбы с последним сегодня надо искать в наших собственных объективных правовых потребностях, которые преломляются в требованиях населения и каждой отдельной личности в правовой защите, нашедших закрепление в действующей Конституции России. Не обойтись нам и без правозащитных идеалов западной правовой культуры эпохи ее становления и дальнейшего расцвета в середине прошлого века (но не в тумане современного кризиса). И, кроме того, нам нужна непредвзятая оценка своего исторического наследия и, прежде всего, однозначное осуждение проводимой в прошлом веке коммунистической антиправовой в целом политики, направленной на уничтожение в массовом масштабе самого человека, не говоря уже о его правах и свободах.

И теперь, даже через сто лет после начала катастрофического коммунистического эксперимента в России и даже несмотря на то, что в 90-х годах прошлого века он был завершен фактически и юридически, путь правовой модернизации не стал для нас проще и легче, чем он был ранее, хотя и совсем по другим основаниям.

⁸² Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П // Официальный интернет-портал правовой информации. – 22.04.2016. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> ; Российская газета. – 05.05.2016 (№ 95).

Литература

1. Алексеев С. С. Крушение права. Полемиические заметки. – Екатеринбург : Ин-т частного права, 2009.
2. Алексеев С. С. Тайна и сила права. Наука права: новые подходы и идеи. Право в жизни и судьбе людей. – 2-е изд. – М. : Норма, 2009.
3. Алексеев С. С. Частное право : научно-публицистический очерк // Алексеев С. С. Собр. соч. : в 10 т. – Т. 7. – М. : Статут, 2010. – С. 400.
4. Бенуа А. По ту сторону прав человека. В защиту свобод : пер. с фр. – М. : Институт общегуманитарных исследований, 2015.
5. Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции. Опыты 1917–1918 гг. – СПб. : Изд-во русского христианского гуманитарного института, 1999.
6. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М. : Наука, 1990.
7. Бердяев Н. А. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. – М. : Феникс, 1991.
8. Бердяев Н. А. Размышления о русской революции // Бердяев Н. А. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. – М. : Феникс, 1991. – С. 59–60.
9. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Русская идея. – М., 2002.
10. Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования : пер. с англ. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – С. 106.
11. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. – Кн. первая : Общие положения. – 2-е изд. – М. : Статут, 2005.
12. Британские католики грозят закрыться из-за геев [Электронный ресурс]. – URL: http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/uk/newsid_6298000/6298437.stm
13. Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. – 2-е изд., доп. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. – 967 с. – (История сталинизма).
14. Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2011. – № 11.
15. Васецкий Н. А. Л. Д. Троцкий: политический портрет // Троцкий Л. Д. К истории русской революции. – М. : Политиздат, 1990. – С. 27.
16. Вы готовы не молчать? Результаты мониторинга случаев нарушения прав по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности в Свердловской области. – Екатеринбург : Ресурсный центр, 2017. – 38 с. – URL: <http://center-r.com/vy-gotovy-ne-molchat/>
17. Горбатов А. В. Годы и войны. Записки командарма. 1941–1945. – М. : Центрполиграф, 2008. – 584 с.
18. Горшкова С. А. Европейские нормы по правам человека и усилия России по их соблюдению [Электронный ресурс] // Журнал российского права. – 2001. – № 11. – URL: <http://znanium.com/catalog.php?bookinfo=449640>.
19. Гринвальд Г. Негде спрятаться. Эдвард Сноуден и зоркий глаз Дядюшки Сэма. – СПб. : Питер, 2015. – 320 с.
20. Иеринг Р. Избранные труды : в 2 т. – Т. 1. – СПб. : Юридический центр, 2006. – 624 с.
21. Историческая неизбежность? Ключевые события русской революции / под ред. Т. Brentона ; пер. с англ. – М. : Альпина нонфикшн, 2017. – 414 с.
22. Казанцева А. В Интернете кто-то не прав. Научные исследования спорных вопросов. – М. : АСТ : CORPUS, 2016.
23. Калдор М. Новые и старые войны. Организованное насилие в глобальную эпоху. – М., 2015. – С. 389.
24. Карр Э. Х. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917–1929. – М. : Интер-Версо, 1990.
25. Курс уголовного права. Общая часть. – Т. 1 : Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. – М. : Зерцало, 1999.
26. Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 33. – С. 1–120.
27. Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 37. – С. 245.
28. Малапарте К. Техника государственного переворота : пер. с ит. – М. : Аграф, 1998.

29. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 3. – С. 197.
30. Мартышин О. В. Конституция и идеология // Государство и право. – 2013. – № 12. – С. 39.
31. Медушевский А. Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. – М., СПб., 2017.
32. Новая газета. – 30.10.2017.
33. Поппер К. Нищета историцизма. – М. : Прогресс, 1993. – 188 с.
34. Постановление ЕСПЧ от 20.06.2017 по делу «Баев и другие против Российской Федерации» (жалобы № 67667/09, 44092/12 и 56717/12). – URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{"itemid":\["001-174422"\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{)
35. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П // Официальный интернет-портал правовой информации. – 17.07.2015. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> ; Российская газета. – 27.07.2015 (№ 163).
36. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П // Официальный интернет-портал правовой информации. – 22.04.2016. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> ; Российская газета. – 05.05.2016 (№ 95).
37. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П «По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 6.21 Кодекса РФ об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексеева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова» // Официальный интернет-портал правовой информации. – 25.09.2014. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> ; Российская газета. – 03.10.2014 (№ 226).
38. Постановление ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции» от 4 января 1967 года. – М. : Политиздат, 1967. – 31 с.
39. Рассел Б. Практика и теория большевизма. – М. : Наука, 1991.
40. Саква Р. Коммунизм в России. Интерпретирующее эссе. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011.
41. Семитко А. П. Приоритет прав и свобод человека как одно из правовых оснований либерализма // Вестник Гуманитарного университета. – 2015. – № 4 (11). – С. 59–83.
42. Семитко А. П. Столкновение правовых культур // Мультикультуральная современность: Урал – Россия – мир: материалы XII Всероссийской научно-практической конференции Гуманитарного университета (2–3 апреля 2009 г.) : в 2 т. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2009. – Т. 2. – С. 166–172.
43. Семитко А. П. Французская кухня и политкорректность: может ли благотворительность нарушать права человека? // Российский юридический журнал. – 2007. – № 4. – С. 7–19.
44. Сорокин П. Дальняя дорога. Автобиография. – М. : Моск. рабочий : Терра, 1992.
45. Убийства чести. Как амбиции известного ЛГБТ-активиста разбудили в Чечне страшный древний обычай // Новая газета. – 2017. – 3 апреля (№ 34).
46. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 134–148.
47. Хардинг Л. Досье Сноудена. История самого разыскиваемого человека в мире. – М. : Центрполиграф, 2014. – 320 с.
48. Хомский Н. Будет так, как скажем мы! Рассуждения о роли США в меняющемся мире : пер. с англ. – М., 2013.
49. Шепелева О. С. пытки как фактор нарушения права на справедливое судебное разбирательство: обзор практики Европейского суда по правам человека по российским делам // Международное правосудие. – 2014. – № 3. – С. 11–17.
50. Эбзеев Б. С. Великая российская революция, власть и свобода: идейные истоки и конституционное устройство // Государство и право. – 2017. – № 7. – С. 21.
51. Энгельс Ф. Принципы коммунизма // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 4. – С. 330–335.
52. Явлинский Г. Госпереворот в России: столетняя трагедия // Новая газета. – 6.11.2017.
53. Ядерная сделка с Ираном: мировые лидеры против Трампа [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bbc.com/russian/features-41623467>
54. Abdel-Samad H. Islamic Fascism. – Amherst : Prometheus Books, 2016. – 255 p.
55. Abdel-Samad H. Le fascisme islamique: Une analyse. – P. : Grasset, 2017.

56. Besancenot O. Que faire de 1917? Une contre-histoire de la révolution russe. – P. : Autrement, 2017. – P. 127–182
57. Boniface P. La géopolitique. – P. : Eyrolles, 2016.
58. Censure par peur des musulmans: la traduction française du Fascisme islamique ne paraîtra pas. – URL: <http://resistancerepublicaine.eu/2016/08/04/censure-par-peur-des-musulmans-la-traduction-francaise-du-fascisme-islamique-ne-paraitra-pas/>
59. Chomsky N., Vltchek A. L'Occident terroriste – D'Hiroshima à la guerre des drones. – P. : Ecosociété, 2015. – 174 p.
60. Comment et pourquoi la France a livré des armes aux rebelles en Syrie / Par B. Barthe, C. Bensimon et Y.-M. Riols // Le Monde.fr. – 21.08.2014. – URL: http://www.lemonde.fr/proche-orient/article/2014/08/21/comment-paris-a-livre-des-armes-aux-rebelles-syriens_4475027_3218.html
61. Comment la France c'est décidée à fournir des armes aux rebelle syriens. Des mitrailleuses et des lance-roquettes figurent dans les livraisons qui ont débuté en 2013 // Le Monde. – 23.08.2014. – P. 4.
62. Courtois S. Communisme et totalitarisme. – P. : Perrin, 2009.
63. Courtois S. L'inventeur du totalitarisme // Le Figaro Histoire. – Février-Mars 2017. – Bimestriel. – № 30. – P. 69.
64. Déclaration conjointe du Président de la République, M. Emmanuel Macron, et de M. Abdel-Fattah AL-SISSI, Président de la République arabe d'Égypte. – URL: <http://www.elysee.fr/declarations/article/declaration-conjointe-du-president-de-la-republique-emmanuel-macron-et-de-fattah-al-sissi-president-de-la-republique-arabe-d-egypte/>
65. Droits de l'homme: Macron ne veut “pas donner de leçons” à Sissi // Le Point.fr. 25.10.2017. – URL: http://www.lepoint.fr/politique/droits-de-l-homme-macron-ne-veut-pas-donner-de-lecons-a-sissi-24-10-2017-2167015_20.php
66. Erik Prince: Obama and Clinton Are Complicit in Creating ISIS [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.breitbart.com/national-security/2016/06/16/erik-prince-obama-clinton-complicit-creating-isis/>
67. Figes O. La révolution russe: 1891–1924. – T. 1, 2. – P. : Gallimard, 2009.
68. Fitzpatrick S. The Russian Revolution. – Oxford, 1994.
69. François Hollande et «le permis de tuer» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.lemonde.fr/police-justice/article/2017/01/04/francois-hollande-et-le-permis-de-tuer_5057277_1653578.html
70. Gabriël M. Islam et terrorisme. – P. : Ourania, 2006. – 256 p.
71. Gabriel M. Jésus et Mahomet : profondes différences et surprenantes ressemblances. – P. : Ourania, 2009. – 320 p.
72. Guidère M. Atlas du terrorisme islamiste: D'Al-Qaida à l'Etat islamique. – P. : Autrement, 2017.
73. Harouel J.-L. Les droits de l'homme contre le peuple. – P. : Desclée de Brouwer, 2016. – 144 p.
74. Izambert J.-L. 56. – T. 1 : L'État français complice de groupes criminels. – P. : IS Edition, 2016. – 386 p.
75. Kaufmann J.-C. Burkini. Autopsie d'un fait divers. – P. : Liens qui libèrent, 2017. – 200 p.
76. La lutte contre le terrorisme contrariée par un arrêt européen // Le monde. – 03.06.2017.
77. L'arrêté anti-burkini: «une atteinte grave aux libertés fondamentales» // Liberation. – 2016. – 26 août.
78. Le cri d'alarme des ONG avant la visite de Sissi a Paris // Le Monde. – 24.10.2017.
79. Le livre noir du communisme: Crimes, terreur, répression. – P. : Robert Laffont, 1997.
80. Levin M. The Case for Torture // Newsweek. – 1982. – June 7.
81. Liptakdec A. Justices Sharply Divided in Gay Rights Case // The New York Times. – 5.12.2017.
82. Origine, nombre, financement... L'Etat islamique en cinq questions // Le Monde. – 15.09.2014.
83. Paris pourrait équiper les rebelles syriens // Le Figaro. – 15.06.2012.

84. Polony N. et Comité Orwell. Bienvenue dans le pire des monde – le triomphe du soft totalitarisme. – P. : Plon, 2016. – 215 p.

85. Russie: vers une nouvelle guerre froide ? Sous la direction de Jean-Robert Raviot. – P. : La Documentation française, 2016. – 184 p.

86. Snapchat, Skype among apps not protecting users' privacy [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2016/10/snapchat-skype-among-apps-not-protecting-users-privacy/#>

87. Terrorisme : Hollande aurait ordonné l'assassinat ciblé d'une quarantaine de djihadistes [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lci.fr/france/terrorisme-hollande-aurait-ordonne-l-assassinat-cible-d-une-quarantaine-de-djihadiste-2020156.html>

88. Werth N. Les révolutions russes. – P. : Presses Universitaires de France, 2017.

Alexey Pavlovich Semitko,

Doctor of Law, the senior research associate of RAS, professor,
Honorary worker of higher education of the Russian Federation,
Visiting Professor of Paris-Quest University (France);
Dean of Legal Department, Head of Public Law Chair,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

**Legal Culture in Russia and the Specific Features of its Modernization:
To the Centennial of the October Revolution of 1917 in Russia**

The Russian legal culture has been considered in the context of the western legal tradition since the moment of its origin and the following strengthening of the human rights ideal there. Considering this ideal, the author assesses the October coup of 1917 and the following communistic experiment and notes that the Russian revolution (namely the putsch plus the experiment) has slowed down perceptions and implementations of the human rights ideal in our country. The October, 1917 is the great tragedy of our people and a complete disaster both for the country in general, and for its legal culture, in particular. Our return to the human rights idea in the 90ies of the last century and its further development in this century takes place both in the context of challenges to the world's legal grounds and as part of modern crisis of the western legal tradition and its human rights policy. For this very reason, the legal modernization, that Russia really needs, cannot focus on the specified crisis phenomena of modern western legal culture and has to rely on the ideals of Enlightenment – the time when the human rights idea was declared in the West and then blossomed there in the middle of the last century. The Russian legal modernization gains therefore unique and paradoxical character. Instead of the "catching-up" modernization type usual for different sectors, the legal modernization should seek for its goals regarding not today's crisis western human rights samples but their yesterday's ideals as well as the objective requirements of our legal development. The latter calls for fostering the implementation of dignity and human rights enshrined in the Constitution of the Russian Federation of 1993. However, these ideals still are not practiced sufficiently for a number of modern and historical reasons, including the complicated historical heritage, which we have inherited from the October 1917 and the following communistic experiment, undertaken in the country last century.

Key words: legal culture; legal development; legal progress; legal modernization; human rights and freedoms; ideal of human rights; criterion of legal progress; level of legal security; level of legal protection; legal heritage; revolution; terror; violence; legal nihilism; western legal tradition; human rights extremism.